

НИКОЛАЙ
ДУБРОВИН



ИСТОРИЯ ВОЙНЫ И ВЛАДЫЧЕСТВА РУССКИХ НА КАВКАЗЕ

НАЗНАЧЕНИЕ А. П. ЕРМОЛОВА
НАМЕСТНИКОМ НА КАВКАЗЕ



История войны и владычества русских на Кавказе

Николай Дубровин

**История войны и владычества
русских на Кавказе.**

**Назначение А.П. Ермолова
наместником на Кавказе. Том 6**

«Центрполиграф»

1871

УДК 93/94
ББК 63.3

Дубровин Н. Ф.

История войны и владычества русских на Кавказе. Назначение А.П. Ермолова наместником на Кавказе. Том 6 / Н. Ф. Дубровин — «Центрполиграф», 1871 — (История войны и владычества русских на Кавказе)

ISBN 978-5-227-06619-0

Великая заслуга генерала А.П. Ермолова, не случайно прозванного современниками «проконсулом Кавказа», в том и состояла, что, став в 1816 году кавказским наместником и командующим Отдельным Кавказским корпусом, он последовательно и целенаправленно боролся за искоренение здесь набеговой системы. Альтернативы этой политике для России не было.

УДК 93/94
ББК 63.3

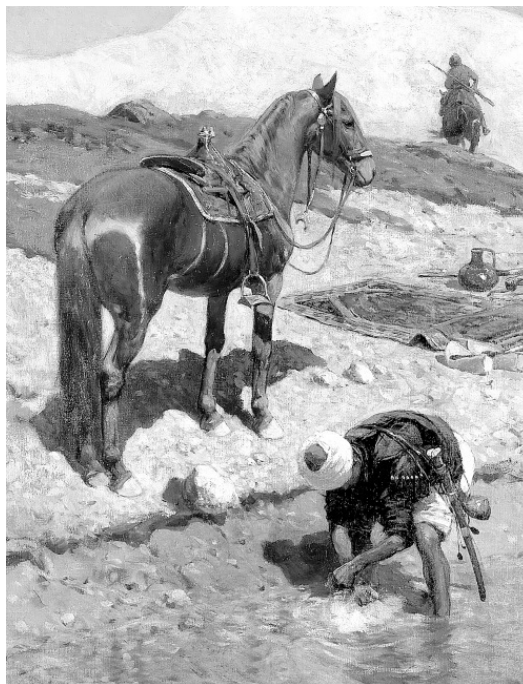
ISBN 978-5-227-06619-0

© Дубровин Н. Ф., 1871
© Центрполиграф, 1871

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	27
Глава 3	37
Глава 4	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Николай Дубровин
История войны и владычества русских
на Кавказе. Назначение А.П. Ермолова
наместником на Кавказе. Том 6



Оформление художника Е.Ю. Шурлаповой

Глава 1

Состояние Закавказья: чума и голод. Восстание в Грузии. Провозглашение царевича Григория царем Грузии. Положение наших войск. Действия отрядов полковника Тихоновского и подполковника Ушакова. Неудачный штурм г. Ахалкалак Шериф-пашою. Прокламация маркиза Пауллуччи и ответ на нее инсургентов. Освобождение Телава. Временное прекращение волнений. Отозвание маркиза Пауллуччи и назначение генерала Ртищева главнокомандующим на Кавказе. Расположение войск. Воззвания Баба-хана. Деятельность Сурхай-хана Казикумухского. Экспедиции генерал-майора Хатунцова в Каракайтаг и Казикумух. Новые волнения в Грузии. Действия генерал-майора Сталя и князя Орбелиани. Воззвания царевича Александра и намерение его пробраться в Грузию

Наступил тяжелый, но славный для России 1812 год. Готовясь к борьбе с Наполеоном, император Александр I принужден был отказаться от всякой помощи главнокомандующему в Закавказье, и именно в такое время, когда, по словам маркиза Пауллуччи, край, ему вверенный, нельзя было признать «состоящим в благоприятном виде». Главною причиною тому была чума, внесенная еще в 1810 г. при отступлении наших войск из пределов Турции. Она появилась всюду: в дагестанских селениях, неподалеку от г. Дербента, на Нижне-абазинском посту, во многих городах Грузии, в Елисаветполе и в Имеретин.

Несмотря на все принимаемые меры и на учреждения в Тифлисе особого комитета для охранения здоровья жителей, болезнь долго не прекращалась. Множество семейств сделались жертвою заразы¹, туземцы боялись оставаться в городе и, покидая его, уезжали в селения или укрывались в садах и отдаленных местах. Тифлис был пуст, точно так же как и многие города Грузии.

С другой стороны, проливные дожди повредили жатву, а появившиеся в значительном числе мыши окончательно истребили хлеб, прежде его уборки с полей. В Имеретин реки выступили из берегов, залили поля, а во многих местах унесли дома и скот. Последствием всего этого был голод, болезни и значительная смертность. В весьма короткое время в Имеретин вымерло до 12 000 семейств², и осталась только третья часть населения. Пораженное всеобщим ужасом, население бежало в горы и леса. Имеретины мололи желуди, косточки из винограда и питались ими, а когда этого не стало, то и трава казалась вкусною³. Недостаток пищи заставлял многих родителей отдавать детей своих в рабство за незначительный кусок хлеба.

В январе 1812 г. было препровождено главнокомандующему 10 000 рублей для вспомоществования страждущему имеретинскому народу и сделано распоряжение о доставлении 10 000 четвертей хлеба из Крыма к мингрельским берегам. Для раздачи бедным пособия составлена, под председательством генерала Симоновича, особая комиссия из двух имеретинских князей и двух духовных особ.

В Грузии также ощущался недостаток в хлебе, и сначала на него возвысилась цена, а потом он вовсе не продавался⁴. В Тифлисе четверть дурной муки стоила от 20 до 30 рублей. Жители скитались по лесам, питались кореньями и травою; почти все население Памбак и Шурагели разошлось по соседним провинциям.

¹ Со дня появления заразы и до окончания ее в одной Грузии умерло от чумы 2042 мужчины, 1646 женщин и 567 детей.

² В Имеретин по 1 марта 1812 г. умерло от голода и заразы: 32 750 человек, разошлось в соседние провинции 7450 и распродано 2000 душ обоего пола.

³ Письма из Имеретин князя Р. Эрнстова. «Кавказ», 1857 г., № 81.

⁴ Отношение главнокомандующего министру полиции от 25 сентября 1812 г.

Частое вторжение неприятеля в пограничные мусульманские провинции лишило туземцев скота и хлеба на столько, что они не имели семян для будущего посева. Те из жителей, которые были в силах, покупали хлеб в селениях за р. Арпачаем; но большинство не имело средств этого сделать. Общее бедствие усиливалось от злоупотреблений мелких чиновников, поставленных в непосредственное сношение с народом.

Занятые военными действиями, главнокомандующие не имели возможности входить в самые мелочные подробности гражданского управления, а люди неблагонамеренные пользовались таким недосмотром. Взятки и всякого рода незаконные поборы, обвешивание и обмеривание – все было пущено в ход для собственной наживы. Маркиз Паулуччи хотя и принимал энергические меры против подобных притеснений, но ни угрозы, ни предписания не останавливали от противозаконных поступков. Злоупотребления так глубоко проникли в быт чиновников, что некоторые из них решались не объявлять народу распоряжений главнокомандующих или перетолковывали их в свою пользу. «Дошло до сведения моего, – писал маркиз Паулуччи⁵, – что моуравы, в дистанциях им вверенных, не обнародовали ясно данного от меня оповещения жителей всей Грузии о разных предположениях моих для постановления в Грузии порядка, в особенности о введении справедливых весов и мер и об искоренении постыдного корыстолюбия.

И так, замечая из сего цель моуравов, чтобы через ускорение перед народом таковых желаний моих продолжать им по прежним обычаям попускаться на противозаконные поступки и преграждать пути притесняемым несправедливостью приносить мне жалобы, кои всегда готов я принимать, предлагаю вашему превосходительству, по получении сего, немедленно отправить особого чиновника в каждую дистанцию, как-то: Казах, Шамшадиль и Ворчалю, поручив им оповестить оное предписание мое самим жителям в селении, при собрании всего общества, дополнив к тому, что моуравы, под опасением строгого наказания, за суд и расправу, кою они производить будут между жителями, отнюдь не должны в пользу свою взыскивать штрафов, также и на содержание себя ни под каким видом не должны брать ничего с народа».

Вслед затем главнокомандующий приказал принимать хлеб в подать и покупать его в казну на русский вес, а не туземною мерою, так как в последнем случае встречались нередко злоупотребления. Не имея сами достаточно хлеба, грузины отказывались поставлять его войскам, а между тем главнокомандующий, опираясь на Грузию, как на почти единственную в то время мирную страну, по необходимости вынужден был пользоваться ее силами для продовольствия войск и обеспечения их перевозочными средствами. Из сохранившихся нарядов видно, что нередко в короткий сравнительно промежуток времени население закавказских провинций выставляло до 112 154 ароб, запряженных волами и буйволами, и 99 780 вьюков лошадей, – число само по себе уже достаточное для заключения, чего стоила эта повинность жителям, которые по недостатку корма и дурным дорогам часто лишались ароб и скота, возвращавшегося из похода не более одной двадцатой части.

Столь усиленные наряды не могли не отзываться на экономическом быте населения. Занятые почти целый год перевозкою провианта и комиссариатских тяжестей, грузины не имели времени обрабатывать свои поля. От этого не только падала промышленность, но чувствовался недостаток в хлебе, и заготовление продовольствия для войск было крайне затруднительно.

Руководясь мыслию, будто грузины в конце прошлого столетия содержали вспомогательные русские войска своим провиантом, маркиз Паулуччи пришел к несколько странному заключению, что для народа, продовольствовавшего прежде войска даром, назначение малых цен на то же самое продовольствие не должно быть чувствительно. На этом основании он сделал раскладку провианта сообразно урожаю и требовал поставки хлеба по назначенным

⁵ От 29 ноября 1811 г. Акты Кавказской археографической комиссии, т. V, № 19.

им ценам. Хотя, по словам самого главнокомандующего, грузины протестовали против такой меры, но, говорил он, «несмотря на просьбы и отказы жителей, которые действительно находятся в крайней бедности, я употребил ласки и силу, – все в свое время, дабы обеспечить войска».

Распоряжение главнокомандующего не привело к желаемой цели, и он не употребил бы такого средства, если бы был основательно знаком с продовольствием наших войск в Грузии при царях Ираклии II и Георгии XII. Число этих войск не превышало цифры 3 тысяч человек, продовольствуемых настолько плохо, что часто за русские деньги не было возможности достать провианта. Наконец, если бы эти войска и продовольствовались сборным хлебом без платы, то должно ли было это служить примером для продовольствования значительного числа войск? Между тем пример этот послужил основанием для действий маркиза Паулуччи, и цены на хлеб были назначены вполтину и даже в четыре раза менее против действительной его стоимости. Так, за каждую поставленную в казну коду (2 пуда 10 фунтов) муки было назначено по 6 абазов (1 руб. 20 коп.), тогда как сами жители покупали коду не менее как за 25 абазов (5 руб.).

Грузины отказались поставлять хлеб по этим ценам, и исправлявший должность правителя Грузии генерал-майор Сталь 2-й доносил, что назначенных для покупки в Сигнахском уезде 40 000 код⁶ пшеницы жители не соглашались продать. Сталь просил уездного маршала князя Андроникова, капитан-исправника Сорокина и митрополита Иоанна Бодбеля уговорить жителей поставить требуемое количество пшеницы. Несмотря на увещания, туземцы соглашались поставить только 10 000 код, и притом с условием, чтобы в том числе была одна треть ячменя. Тогда Сталь донес, что упорство жителей происходит от подстреканий князей, маршала и, главное, от наговоров Вачнадзе Бебурова. Он просил назначить экзекуцию, взять хлеб силою «и тем дать им почувствовать над собою власть правления российского и отвлечь от мысли своеволия, возникшего со времени выведения из Сигнахского уезда трех полков и полученных возмутительных писем от беглеца Александра царевича»⁷.

Экзекуция была назначена; войска размещены по деревням, и положение населения ухудшилось от более суровых требований. Народ несколько раз обращался с просьбою вывести из деревень войска, но на эту просьбу отвечали требованием скорее поставить хлеб в магазины. Тяготясь таким положением и испытывая сами недостаток в хлебе, жители почти ежедневно собирались около своих церквей для совещания о мерах к скорейшей поставке хлеба. Сюда являлись агенты царевича Александра с фирманами Аббас-Мирзы, который писал об отправлении грузинам значительной суммы денег и, обещая явиться на помощь, просил их оказывать сопротивление русским⁸. Ввиду своего бедственного положения грузины готовы были податься всякого рода внушениям. С каждым днем число недовольных увеличивалось. Духовенство было недовольно уменьшением числа епархий, упразднением некоторых приходов, уничтожением церковных имений и передачею их в казенное ведомство; князья – ограничением их власти и уничтожением моуравств, а народ тяготился притеснениями мелких чиновников, налогами и обременительными нарядами, среди голода, болезней и значительной смертности. При таких условиях беспорядки явились тотчас же, как только известный предел был перейден...

Рано утром, 31 января 1812 г., набатный звон колоколов селения Ахмет собрал в сельской церкви всех жителей деревни. Здесь они узнали о прибытии экзекуции, требовавшей провианта. Отказавшись исполнить требование, грузины бросились на команду и выгнали ее из селения.

⁶ К о д, кот (*армян.*) — в Закавказье деревянный сосуд, служащий мерой сыпучих тел. Код вмещает в себя около 3 пудов (36 кг) зерна.

⁷ Рапорт генерал-майора Сталя главнокомандующему от 25 августа 1811 г., № 2809.

⁸ Всеподданнейший рапорт маркиза Паулуччи 26 марта. Фирманы Аббас-Мирзы. Военно-ученый архив Главного штаба.

Посланный на другой день новый отряд, подходя к селению, был встречен выстрелами возмущившихся, к которым успели присоединиться пшавы, хевсуры и жители сел Матан и Тионет. Из этой последней деревни команда была также изгнана и частью перерезана. Народная ярость была возбуждена одною женщиною, которая, вбежав в средину толпы, бросилась к мужу, стащила с него папаху (шапку), надела ее на себя, а на мужа накинула свое покрывало (чадру).

– Теперь ты жена, а я муж! – кричала она. – Я обещана и иду мстить за тебя!

С этими словами она выхватила у мужа кинжал и бросилась к дому; толпа ринулась за нею. Офицер был заколот; команда перерезана⁹. Восстание быстро распространилось и охватило всю Кахетию; увещания капитан-исправников не действовали. Народ повсюду отказывался повиноваться, и от одного селения к другому скакали зачинщики, угрозами заставляя жителей присоединяться к ним и истреблять все экзекуционные команды. Грузины следовали за коноводами, хотя сознавали в душе несообразность своего поведения и искренно желали оставаться верными русскому императору.

«На тот конец сделали мы бунт, – говорили жители селений Нукреян и Магаро, – чтобы нас больше не притесняли, а не на тот, чтобы лишиться российского покровительства... Сопротивлялись же против россиян¹⁰, в чаянии том, чтобы правительство обратило внимание на состояние наше и не оставило определить к нам одного из российских, а другого из грузинских чиновников, для управления нами и удовлетворения просьб наших»¹¹.

По получении первых известий о восстании военное и гражданское начальство разослало повсюду предписания приостановиться взысканием провианта с жителей. Тогда же разосланы повеления ко всем комендантам, капитан-исправникам, моуравам и уездным маршалам о принятии необходимых мер предосторожности и употреблении всех способов для удержания народа от мятежа; князья, пользовавшиеся уважением народа, и почетные духовные особы были посылаемы для увещания, но все оставалось напрасным. «Ожесточенный народ, – доносил маркиз Паулуччи, – не внимал никаким советам, стрелял по тем, кои старались его успокоить, и умерщвлял всех попадавшихся ему в руки курьеров и лазутчиков, от правительства посланных».

Соединившись с пшавами и хевсурами, возмущившиеся преградили все дороги в Кахетии и отрезали пути отступления нашим войскам. Последние, будучи разбросаны самыми маленькими командами по отдельным деревням, были застигнуты врасплох. Города Телав и Сигнах подверглись осаде; в последнем все чиновники и гарнизон были вырезаны. Та же участь постигла пятый эскадрон Нарвского драгунского полка, стоявший в селении Кака-бети. Нижние чины защищались в сараях, эскадронной конюшне, бане, но, уступая в численности, по большей части погибли. Один только унтер-офицер со штандартом успел прискакать в штаб полка, в деревню Сагореджо; туда же прибыл со знаменем и есаул донского Поздеева 8-го полка Кузнецов, из селения Анаги, которое было сожжено вместе с провиантскими магазинами.

Жители селений Ахмета, Тионет, Матаани и Маралисы, соединившись вместе, при содействии армян, живших в предместье Телав, ворвались, 2 февраля, в форштадт этого города, разграбили все квартиры, умертвили нескольких солдат и расхитили из сельских магазинов податной провиант. Телавский комендант, майор Шматов, с 60 человеками заперся в крепости и защищал ее до прибытия майора Вронского с тремя ротами 9-го егерского полка, стоявшими вблизи Телав, в селении Гомборах, и 250 человек нарвских драгун, отправленных генералом Портнягиным с майором Есиповым. Пробиваясь сквозь толпу инсургентов, Есипов был убит, но драгуны достигли до крепости, хотя и с весьма большою потерей в людях. Из 250 человек

⁹ Записки князя Д.О. Бебутова. «Военный сборник», 1867 г. № 6 и 7.

¹⁰ В прошении от 26 марта 1812 г. Воен.-уч. арх.

¹¹ Показание жителей селений Арагвисири и Ораниси, 1 мая. Там же.

драгун пришло в крепость только 148 человек, а отряд егерей, пробиваясь через толпу, потерял 11 человек нижних чинов убитыми, 10 человек захваченными в плен и ранеными: двух офицеров и 30 человек рядовых.

Восставшие кахетинцы провозгласили царевича Григория¹² своим царем и решились признать его власть над собою. Недалекий по своим умственным способностям, хромой от природы и забытый русским правительством, Григорий жил на свободе в Кахетии¹³. Не пользуясь до сих пор ничьим уважением, царевич вдруг, при открывшемся восстании, вырос в глазах народа и стал играть довольно видную роль. Поверив в возможность сохранения за собою звания царя Грузии, Григорий принял предложение и явился среди мятежников предводительствовать их толпами. Имя его стали упоминать в церквах, как законного царя Грузии. Царевич начал издавать от своего имени возмутительные прокламации и письма¹⁴. Кахетинцы толпами спешили под его знамена. Пристрастие народа к бывшим членам грузинского царского дома сделало теперь особенно вредным пребывание Григория среди инсургентов. Деревни одна за другою присоединялись к возмутившимся. Посланные с разных концов и по разным направлениям развозили возмутительные письма.

«Мы все, кахетинские князья, – говорилось в одном из таких писем, – кизикские (сигнахские) чиновники и кевхи, народ пшавский, тушинский и хевсурский, пишем к вам. Верьте Богу, что начиная от Тионет до Кизика (Сигнаха) и от Кизика до Маркопи, российского имени нет. За наше притеснение и за вас вступаемся мы, что такие дела делаем. Вы, подобно сему, покажите нам, сколько можете, какое-нибудь дело, т. е. пригласите поскорее царевича (Григория). Мы, кроме одного царя, ни в чем недостатка не имеем. Если вы согласны с нами – отвечайте, а если нет, то мы (одни) с ними разведаемся. Если в сем нам не верите, то здесь и татарский народ живет: спросите их и узнаете, что мы *в крови замараны*»¹⁵.

«Мы наверно знаем, что драться против великого Государя нам трудно, – писали жители Сигнаха тем же агаларам, – но мы до стеснения были доведены... Можем ли мы увериться, чтобы пролитие толикой христианской крови и противность Государю могли быть кем-либо прощены? Ныне все вообще: Кахетия, горцы и на плоскости живущие лезгины – соберемся в Сагореджо... Мы собою рискнули и себя на смерть отдали. Нам умереть – Государю убыток, и их (русских) побить – тоже Государю убыток».

В Сагореджо находился штаб Нарвского драгунского полка, шефом которого был генерал-майор Портнягин, бывший в то же время начальником Сигнахского и Телавского уездов. Он был поставлен обстоятельствами в критическое положение: из всего полка Портнягин мог собрать только до 150 человек драгун. До Тифлиса было 90 верст, и помощь могла прийти в Сагореджо не ранее как дня через три. К тому же главнокомандующего в то время не было в Тифлисе – он отправился в Баку, Кубу, Дербент и для введения нового управления в ново-

¹² Григорий был сын царевича Ивана, находившегося в Москве. Так как старший брат Ивана, царевич Давид, был бездетен, то грузины и считали за Григорием право наследства престола.

¹³ Отношение маркиза Паулуччи генералу Ртищеву, 17 марта, № 252.

¹⁴ Высокосятельные кизикские князья, чиновники и вообще жители! – писал Григорий. – Низжайше вам кланяемся, и если хотите знать наше обстоятельство, то сегодня, что есть суббота, переедем на Хашми с большим войском... Если хотите знать о Карталинии, то войска обоих Лиахвских ущелий собрались, и сколько в Цхинвальской волости было русских, всех побили, мосты сорвали, и всякий карталинец вас ожидает; всю же силу русских составляют войска, на Хашми стоящие; если ее погубим, то знайте, что все в руках будем иметь: Карталинию, Арагви и Тифлис, и ныне просьба наша к вам состоит в сем, а воля ваша». «Сегодня, в пятницу, – писал Григорий джимитским и уканамхарским жителям, – мы, хевсуры, пшавы и кахетинцы, кто только носит шапку, у Ахтальской речки встретили русских, и до сумерек сражение продолжалось; много людей и солдат побили, так что ружьями и лошадьми, от них доставшимися, Кахетия наполнилась, а с наступлением ночи расположились русские на Копризском поле; мы с нашим войском кругом их стоим, и с рассветом будет опять драка, и Бог нам помощь! Пока хотя один кахетинец жив, Кахетия не отступит: поспешите на помощь, кто хочет только христианства, поспешите на помощь вашим соседям, и если хотите жизни ваших семейств, то поспешите на помощь».

¹⁵ Казахским агаларам. Письмо подписано 31 лицом и приложено к рапорту маркиза Паулуччи государю имп. от 26 марта 1812 г. Воен.-уч. арх.

покоренной Кюринской области. Приближение персиян к нашим границам заставило маркиза Паулуччи проехать в Карабаг; но едва только он успел собрать там отряд и поручить его Котляревскому, как, получив известие о восстании в Кахетии, отправился в Тифлис, где присутствие его было более чем необходимо.

С получением первых известий о восстании генерал Портнягин просил о присылке ему подкреплений, но, за отсутствием маркиза Паулуччи, все распоряжения производились весьма вяло и нерешительно. В Сагореджо в первое время хотя и было тихо, но, видимо, жители находились в сильном беспокойстве. Вооруженные с головы до ног, они каждую минуту ожидали прибытия к себе инсургентов. Старшина селения предъявил Портнягину полученное им письмо, в котором говорилось, что вся Кахетия идет на них, и если сагореджинцы не пристанут к восставшим, то селение будет сожжено, а жители истреблены.

– Будете ли вы нас защищать или оставите деревню? – спросил старшина.

Портнягин отвечал утвердительно, но видел, что народ желает, чтобы русские войска оставили селение и тем избавили его от неминуемого разорения.

Ожидая прибытия толпы мятежников, нарвские драгуны укреплялись. Бывшую перед домом Портнягина небольшую площадку они обставили кругом мешками с провиантом. Хотя такое укрепление и обстреливалось из окружающих селение виноградников и высот, но все-таки могло служить некоторою защитой до прибытия подкреплений. Вечером, 5 февраля, толпа инсургентов появилась в садах на соседних высотах и завязала перестрелку с драгунами. Перестрелка эта продолжалась всю ночь, но не причинила нам никакого вреда. С рассветом число неприятеля увеличилось; драгуны лежали под прикрытием мешков и ожидали подкрепления. Переговоры с мятежниками и советы превратить неприязненные действия не приводили к желаемым результатам. Опасность для драгун возрастала: в отряде было ранено до 25 человек и много лошадей. Солнце перешло уже за полдень, когда в селении Сагореджо услышали сначала пушечный выстрел, а затем барабанный бой отряда, спешившего на помощь. То были две роты Херсонского гренадерского полка, посланные из Тифлиса под начальством майора Бухвостова. С появлением grenадеров инсургенты тотчас же стали очищать сады, и перестрелка прекратилась.

Сделав необходимые распоряжения к отступлению, генерал Портнягин сжег все тяжести и в следующую ночь оставил Сагореджо. Драгуны шли пешие и вели в поводу лошадей, которых было втрое более, чем людей, за потерями и командировками. Отряд отступал не по большой дороге, где поджидали его инсургенты, а лесом, в обход, в переправе через р. Иору. Восставшие грузины все-таки открыли это движение и выстрелами преследовали отступавших»¹⁶.

Прибыв в Тифлис и найдя там только шесть рот, Портнягин, как старший, принял над ними начальство и сделал все необходимые распоряжения по обороне города: повсюду были расставлены караулы, а в некоторых местах и орудия, на устроенных для того батареях.

Получавшиеся с разных сторон сведения были далеко неутешительны, восстание в Кахетии с каждым днем все более и более усиливалось. Инсургенты врываются в города и селения, грабят казенные деньги и вещи. Многие владельцы просили помощи, говоря, что народ грозит сжечь их дома и имущество, если они не присоединятся к восставшей толпе. Никто из князей не решался ехать уговаривать возмущившихся и отговаривались тем, что не имеют лошадей. Уклонение это признано было неосновательным, и князьям предложено взять казенных лошадей, но они браковали их, говоря, что в таких критических обстоятельствах можно выехать перед толпой только на хороших лошадях (?).

Таким образом, предоставленные самим себе, инсургенты продолжали собираться в различных пунктах. Не имея определенной цели и плана действий, каждая партия действовала по своему усмотрению, занимаясь преимущественно грабежом и насилием. Более или менее

¹⁶ От 27 февраля. Письмо подписано 17 лицами. Воен.-уч. арх.

значительные толпы появились у Манавы и на Сагурамском поле, с намерением напасть на Гартискарский пост. До сорока человек вооруженных грузин собралось в селении Караджалы, на левом берегу р. Куры, и, несмотря на увещания, не соглашались разойтись по домам.

8 февраля в Тифлисе было получено известие, что главное скопище остановилось в селении Шашебуро и там укрепляется; что значительное число мятежников собралось также между р. Иорой и Марткопи, с намерением идти на Тифлис; что гарнизон, бывший в Пасанауре, истреблен и сообщение с Кавказскою линиею прервано; что возмущение распространилось по всему Ананурскому уезду, и самый город находится в осаде, и, наконец, что Телав и Сигнах окружены вооруженными толпами.

Стоявших в Кахетии войск оказывалось недостаточно для усмирения волнений. На подкрепление их отправлен из Карталинии подполковник Ушаков с батальоном Грузинского гренадерского полка. Ему приказано прямо и как можно поспешнее следовать к г. Анануру и по дороге присоединить к себе отряды, стоявшие в Мухрани и в Гартискаро. Осада мятежниками последнего пункта не позволила Ушакову присоединить к себе гартискарский гарнизон, а с присоединением команды, находившейся в Мухрани, отряд его состоял всего из пяти рот пехоты.

Вместе с тем владикавказскому коменданту генерал-майору Дельпоццо и подполковнику Казбеку предписано принять меры к восстановлению сообщения с линиею, а для рассеяния толпы, собравшейся у Марткопи, отправлен из Тифлиса полковник Тихоновский с батальоном Херсонского гренадерского полка и четырьмя орудиями.

Взяв с собою двух князей Орбелиани, на случай переговоров с мятежниками, Тихоновский выступил по направлению к Марткопи. Приближение наших войск заставило разъезжавшие близ селения толпы грузин отступить к селению Хашми. Получив донесение, что число вооруженных в этом селении достигает до 4000 человек и что толпа эта состоит преимущественно из тушин, пшавов и хевсур, Тихоновский двинулся прямо к селению Хашми. Встреченный выстрелами с высот и из садов, он штыками вытеснил неприятеля, заставив его бежать к деревне Сартачалам. Жители ближайших селений со всем семейством и имуществом удалились в леса и горы. Тихоновский уговаривал их возвратиться¹⁷, и, после долгих убеждений, десять человек старшин явились к нему с покорностью и обещанием не допускать к себе возмутителей. Двигаясь далее, Тихоновский успел привести к покорности жителей селений Сартачал, Уджарм, Карабулах и Патерзаул¹⁸. Возвративши их в дома, он пошел обратно в селение Хашми¹⁹.

В это время подполковник Ушаков прибыл с своим отрядом в селение Мухрань и 12 февраля двинулся к Душету. Встреченный сильным огнем неприятеля, Ушаков по позднему времени не мог атаковать города. На рассвете следующего дня он штурмовал форштадт и, после двухчасового боя, овладел как им, так и Душетскою крепостью, восстановив порядок в городе и имея приказание спешить на помощь г. Анануру, Ушаков выступил из Душета и едва только отошел две версты, как был окружен инсургентами. Начиная с 6 часов утра и до 5 часов пополудни наш отряд прокладывал себе дорогу штыками, достиг до Ананура и вытеснил оттуда мятежников.

На следующую ночь, с 17 на 18 февраля, Ушаков узнал, что в трех верстах от города, в небольшом селении, находится арьергард отступавших инсургентов, состоящий из 70 человек. Взяв 150 человек гренадеров, он тихо подошел с ними к селению, окружил сакли и истребил всех, кроме 15 человек, взятых в плен, и трех бежавших. Атака была так неожиданна, что

¹⁷ Рапорт Тихоновского главнокомандующему, 14 февраля 1812 г., № 20.

¹⁸ То же от 15 февраля, № 23.

¹⁹ Тот же от 16 марта, № 50.

гренадеры не сделали ни одного выстрела, а кололи штыками. Повесив главного предводителя, Ушаков навел тем страх на всю окрестность²⁰.

Скопища в этом углу Кахетии были рассеяны, и сообщение с линией восстановлено высланною из Ларса ротою Суздальского полка, которая, перевалив через Крестовую гору, появилась в Закавказье. Жители многих селений стали являться с покорностью, и большая часть деревень, окружающих Душет, была приведена к присяге.

В таком положении были дела, когда 21 февраля маркиз Паулуччи прибыл в Тифлис и узнал, что отряд, бывший в Карагаче, и гарнизон в Телаве находятся в крайней опасности, что они отрезаны и окружены со всех сторон вооруженными толпами, и более пятнадцати дней в Тифлисе не было о них никакого известия. Главнокомандующий тотчас же приказал батальону Тифлисского полка выступить из столицы Грузии в селение Хашми и присоединиться к полковнику Тихоновскому; генерал-майору Портнягину приказано с остатками нарвских драгун перейти в селение Цинцкаро и наблюдать, чтобы хищники не делали разбоев.

«К удивлению найдя, – писал ему маркиз Паулуччи, – что вы, оставив порученный вам Кахетинский округ, прибыли в Тифлис с полком и приняли команду над войсками в Тифлисе и Анануре, где был другой начальник, требую ответа, почему, не истребовав сикурса, когда увидели бунт в Кахетии, не обратились туда со всею поспешностью»²¹.

Недовольный таким запросом, генерал Портнягин подал рапорт о болезни и затем не принимал участия в усмирении восстания.

Между тем 23 февраля маркиз Паулуччи, имея в конвое 140 казаков и 40 драгун, выехал из Тифлиса в Ханши, с тем чтобы принять личное начальство над отрядом, там собравшимся.

Здесь он узнал, что инсургенты отправили посланного к Шериф-паше Ахалцихскому с просьбою о помощи. Приняв его ласково, паша думал воспользоваться затруднительностью нашего положения и возвратить в свое владение Ахалкалаки, так недавно, после блестящей победы Котляревского, занятого нашими войсками. Если бы Шерифу удалось овладеть этою крепостью, прикрывавшею всю Кахетию, то, за отозванием войск для усмирения восстания, путь в Борчалинскую провинцию и даже в Тифлис был бы совершенно открыт и беспрепятствен.

Сознавая, что успех может принести огромные выгоды, Шериф собрал до 5 тысяч человек, подошел к Ахалкалакам и 21 февраля штурмовал укрепления. После четырех с половиною часового боя паша принужден был разочароваться в своих ожиданиях и сознать невозможность овладеть крепостью. Геройское сопротивление гарнизона заставило его отступить к укрепленному местечку Хертвиси. Оправившись и устроив свои войска, Шериф намерен был вторично штурмовать Ахалкалаки, но, узнав о прибытии в Грузию главнокомандующего и почти о повсеместном усмирении восстания, он отказался от своего намерения и ушел внутрь своего пашалыка²².

Маркиз Паулуччи принял действительно весьма решительные меры в подавлении восстания.

Для предварительного увещания возмущившихся он отправил к инсургентам нескольких доверенных лиц, из дворян и духовенства, с прокламациею, в которой обещал им испросить прощение, если они с полным раскаянием и покорностью возвратятся в свои дома.

«— Что вы делаете? – спрашивал главнокомандующий кахетинцев. – Какое ослепление обуяло умы ваши и какая цель ваша? Неужели в несчастном исступлении своем забыли вы

²⁰ Рапорт Ушакова генерал-майору Портнягину, 19 февраля, № 165.

²¹ В предписании от 21 февраля 1812 г. № 226.

²² Рапорт маркиза Паулуччи гос. имп. 11 марта 1812 г., № 13. Рапорт подполковника Згорельского главнокомандующему, 10 марта, № 61.

силу и могущество неодолимых войск российских, забыли веру христианскую и не видите, что рука Божия, неизбежно карающая клятвопреступных изменников, готова вас поразить!

Вспомните, что вы дерзнули поднять оружие против войск его императорского величества, кои суть братья ваши по вере, защищающие жилища ваши, семейства и имущество от внешних неприятелей, издавна жаждущих вашей гибели, и что вы, в заблуждении своем нарушив присягу, данную вами, в вечной верности его императорскому величеству перед лицом Самого Бога, вооружились против защитников ваших, против самого вашего отечества и против религии. И так, с сердечным соболезнованием, видя бездну, в которую вы сами стремитесь, вовлекая невинные ваши семейства, я счел обязанностью, прежде нежели приступлю к мерам, кои мне предписывает долг и звание мое, объявить вам следующее.

Кахетинский народ! Теперь предлежит вам два пути: один к спасению, а другой к неминуемой гибели. Собрал сильные войска, я иду сам в Кахетию для водворения среди вас покоя. Меч мой готов истребить непокорных мятежников, и вместе с тем рука простерта принять с милосердием раскаивающихся, подобно как отец приемлет заблудшего сына. Почему избирайте немедленно дорогу, которую укажет вам собственное ваше благоразумие. Я же уверяю вас честью моею, что не накажу тех, кои, положив оружие, с раскаянием будут просить прощения и, с семействами своими, возвратясь в свои жилища, примут вновь присягу на верность Его Императорскому Величеству. Но если встречу кого с оружием в руках и противящихся законной власти, то тех предам достойной их казни, без всякого помилования»²³.

Посланные с этою прокламациею явились к инсургентам, но переговоры их были безуспешны.

– Мы, – говорил посланным Коцо Оханов, предводительствовавший толпою²⁴, – мы знаем, что нас мало в сравнении с русскими, не надеемся их победить, но желаем, чтобы они нас истребили. Мы искали покровительства русского царя, и Бог дал нам его, но несправедливости и жестокости его слуг привели нас в отчаяние. Мы долго терпели. Ныне же, когда Господь послал нам этот ужасный голод, когда мы сами едим коренья и травы, от нас насильственно требуют хлеба и фуража. Нас выгнали из собственных домов, рылись в сундуках и ямах наших, открывали наши запасы вина и, напившись допьяна, оскверняли остальное, бросая туда нечистоты. Неужели и после такого срама дорога нам жизнь? Мы виноваты перед Богом и русским царем, обагрив руки в христианской крови; но Бог свидетель, что изменить русским никогда в нашем помышлении не было: нас вынудили к тому силою, и мы решились погибнуть на месте. На прощение нам надеяться нечего: кто откроет наше положение государю? Разве мы не помним, что нам, бывало, отвечали ваши начальники, когда мы ссылались на него: до Бога высоко, до царя далеко! Ступайте же к ним; ни они, ни вы нас не обманете.

Слова эти, подтвержденные единогласно всеми находившимися в толпе, в тот же день были переданы маркизу Паулуччи. Ему же доставлено было и письмо, служившее ответом на прокламацию.

«Все общество катехинское, – отвечали инсургенты, – в горах и на плоскости живущее, доносит, что мы неопытны в письмах и не можем понять вашего писания. Мы не отрицаемся от Христа, не изменники Государю, ниже клятвопреступники. Вы дали нам повод; что было от всемилостивейшего Государя манифестом повелено, от вас не было исполнено; вы нам дали повод, убивая и вешая на веревке; виновные и усердные не были различены, но и сего мы по усердию к всемилостивейшему Государю и по присяге от нас данной терпели. «Сверх того, чего у нас не было, к тому экзекуцией и штыками вы нас принуждали; убивали наших жен и детей; отняли у нас хлеб и голодом нас морили, а нам говорили, чтобы мы паслись на траве. Как младенцам пастись на траве?

²³ В прокламации от 22 февраля 1812 г., № 177. Акты Кавказ, археогр. ком., т. V, № 97.

²⁴ Записка генерал-майора князя Чавчавадзе, поданная императору Николаю в 1837 г. Воен.-уч. арх. Глав, штаба.

От нарядов не стало у нас быков, а в лесах не нашли мы более лесу для построения ароб (телег) и такой обиды не могли мы более вытерпеть; чем человеку морить своих жен и детей, скорее убьет прежде другого. Мы истинно знаем то, что государь император народа истребить не изволит (не желает). Повод дан вами; сойтись с вами нам более невозможно: мы рискнули и семействами, и собою. Вы давали нам за коду (2 пуда 10 фунт.) по 1 руб. 20 коп., а у кого из нас не было хлеба, брали в плату по 4 рубля за ту же коду.

Мы государю не изменили и не изменники; вы преступили повеление государя, и мы более не могли переносить несправедливости. Нам с вами сойтись невозможно, мы и так мертвы и должны умереть. Мы подали просьбу, а вы не довели оной до государя. Вы нас обманывали – и мы терпели; уже более невозможно. Ныне конец – и мы должны умереть».

Получив это письмо, маркиз Паулуччи в тот же день отвечал инсургентам²⁵:

«По приезде моем в деревню Хашми, доставлен был ко мне от вас ответ на мое объявление; видя из того причину, побудившую вас к настоящему мятежу, я нужным почитаю сказать вам:

Кахетинский народ! Вам самим известно, что объясненные вами жалобы при главнокомандовании моем приносимы от вас не были, так равно и просьб, вами поданных, я не получал, по которым я бы не оставил тотчас сделать строгое исследование и доставить вам должную справедливость, но как все сие происходило прежде, до моего командования, и вами мне не было объявлено, то я и не мог быть о том известен, а потому и ныне отправляю к вам с сим преосвященного Ниноцминдели, духовника моего патера Онуфрия и майора князя Соломона Авалова, как доверенных от меня, объявить вам последнее мое слово, дабы вы, опомнясь, оставили предпринятые вами намерения и разошлись по вашим домам. Тогда вы можете все ваши жалобы и просьбы мне представить, и я не оставлю оказать вам всю справедливость и сделать все возможное облегчение. Но если вы и за сим не послушаетесь сего моего обещания, то буду вас трактовать как изменников».

25 февраля посланные с этим обещанием отправились к инсургентам, укрывавшимся в лесах по дороге к Телаву, близ монастыря Самеба. Обещая дать ответ через два часа, коноводы вооруженной толпы не дали его до ночи. Тогда, на рассвете 26-го числа, маркиз Паулуччи, не обращая внимания ни на густоту леса, ни на то, что противник засел в крепких ущельях, решился атаковать с наличными силами, состоявшими всего из 600 человек пехоты при двух орудиях. Командовавший авангардом полковник Тихоновский двинулся против неприятеля, имея у себя две роты Херсонского полка, роту 9-го егерского и 35 казаков. Вооруженная толпа была разогнана, и некоторые, более виновные, из числа взятых в плен, по приказанию главнокомандующего, повешены. Войска перешли в деревню Патерз-аул, куда прибыл из Сагореджо архимандрит Елевтерий, отправленный для переговоров с инсургентами. Неудовлетворительный ответ, им привезенный, заставил главнокомандующего перейти с войсками в Сагореджо²⁶.

Сагореджинцы явились с покорностью и просили пощады. Селения Сагореджи, Какабети, Манава и другие были приведены к присяге; почти весь Сигнахский уезд успокоился, и жители возвратились в свои дома.

27 февраля главнокомандующий перешел в селение Какабети, где присоединился к нему полковник Степанов, выступивший с отрядом из Караагача. Отряд этот состоял из сборных команд и образовался при следующих условиях: при первом известии о восстании в Кахетии была отправлена из Пховели в Телаву рота 9-го егерского полка. На пути следования в селение Вакиры и Анаги рота была окружена значительной толпой неприятеля и, не будучи в состоя-

²⁵ Хотя в Актах Кавказской археографической комиссии (т. V, № 96) документ этот помечен 24-м числом марта, но его следует отнести к 24 февраля, так как волнения продолжались только до 10 марта. С этого дня, по словам всеподданнейшего донесения маркиза Паулуччи (см. там же, № 97, с. 80), «окончились и все действия против мятежников», мятежный дух истреблен в Кахетии и «вся Грузия приведена в спокойствие».

²⁶ Из предписания генерал-майору барону Клодту, № 226.

нии пробиться к Телаву, принуждена была отступить к Караагачу, куда прибыла и штаб-квартира Кабардинского полка из Бодбисхеви. 12 февраля прибыл также в Караагач и майор князь Орбелиани, с двумя ротами Кабардинского полка и с одним орудием. Войска эти имели крайний недостаток в продовольствии. В течение двенадцати дней, с 11 по 23 февраля, они питались одним ячменем, заготовленным для лошадей Нижегородского драгунского полка.

В таком критическом положении полковник Степанов, принявший начальство над всеми собравшимися в Караагаче, как только узнал о прибытии маркиза Паулуччи в Ханши, тотчас же двинулся на соединение с главнокомандующим. Последний предписал Степанову остановиться в Сагореджо и наблюдать за общественным спокойствием, а сам двинулся к селению Велисцихе. У селения Чумлаки маркиз Паулуччи встретил, 1 марта, мятежников, бывших под предводительством царевича Григория. Рассеяв толпу, главнокомандующий объявил жителям соседних деревень, что если кем-нибудь будет сделан хотя один выстрел по русским войскам, то деревня будет предаваема огню. Вместе с тем он потребовал выдачи царевича Григория, скрывшегося у анцугских лезгин.

6 марта Григорий был представлен главнокомандующему анцугским старшиною Алиханом²⁷, отвезен в Тифлис, помещен в нижнем этаже дома главнокомандующего, а впоследствии отправлен в Россию. «Сей царевич, – доносил маркиз Паулуччи²⁸, – весьма важен не по личным своим достоинствам, коими, к счастью, не одарен от природы, но по уважению, какое народ здешнего края имеет к его происхождению...

Опытом же народного легковерия и той истины, что необходимо нужно для спокойствия здешнего края удалить отсель все то, что только носит на себе имя происхождения от бывшего грузинского царственного дома, может служить то, что сей царевич, не имеющий никаких особенных достоинств, оставленный без внимания моими предместниками и даже у самих грузин до сего случая мало имевший уважения, вдруг, при открывшейся революции, начал играть между ними важную роль и, по ослеплению народа, которое, однако же, обнаруживает их всегдашнюю привязанность к прежнему царскому правлению, был с радостью принят мятежниками, провозглашен царем Грузии и предводительствовал толпами бунтовщиков».

Предводительство это хотя и было безуспешно, но с покорностью Григория беспорядки в Грузии не были еще прекращены, и главнокомандующий принужден был спешить к Телаву, осажденному огромною толпою инсургентов.

В самом начале волнений толпа вооруженных окружила Телав и 9 февраля потребовала от русских властей, чтобы они оставили город.

«Господа телавский комендант и исправник! – писали инсургенты²⁹. – Клянемся вам Богом, святым крестом и Евангелием, мы все, здесь собравшиеся, что если последуете сему нашему совету и мирно выйдете, то как против нашего брата и отца не согрешим, так и вам ничем не повредим и против вас не согрешим. Где только были войска: в Кизике (Сигнахе), на Арагвах, в Сагореджо по сю сторону Куры, в целой Кахетии, также в Карталинии, везде их истребили и нигде уже нет русских, и где таким образом покорились, то благополучно освободились. Клятвою вас уверяем, что по выходе получите мир, и если сему совету не последуете, то, исполнивши долг свой, отныне мы ничего не пришлем вам сказать. Ведь вы видите, эти войска все против вас собрались; верьте, у вас помощи уже никакой нет, – не умирайте!»

Запершаяся в Телаве команда и представители русской власти предпочли однако же умереть, чем сдаваться, и предложили собравшейся толпе разойтись по домам. Восставшие отказались исполнить этот совет и 13 февраля отправили новое требование сдать им город и крепость.

²⁷ Из предписания генерал-майору барону Клодту, 6 марта 1812 г., № 304.

²⁸ Графу Румянцеву от 18 марта 1812 г. Акты Кавк. археогр. комиссии, т. V, № 77.

²⁹ Акты Кавк. археогр. комиссии, т. V, № 97.

«Комендант, исправник, и вообще собравшиеся в крепости! – писали они. – Письмо ваше мы получили и, что советовали – все уразумели, которое было писано по глупости; мы давно вас знаем и не обманемся, как ребенок. Будьте уверены, что не только мы против вас, но все наши братья, целая Кахетия и Карталиния за ваше зверское притеснение восстали против вас; нам с вами мириться невозможно, довольно: более не обманемся. Знайте и то, что маркиза казахи убили в Сала-Оглы; в Кизике войска ваши истреблены кизикцами и джарцами, так равно в Ворчалло, в Карталинии, на Арагвах и Сагореджо – вам более помощи нет.

Мы не хотели, так как вы, христиане, напрасно пролить кровь и теперь советуем вам: все мы против вас и клянемся, что если выйдете добровольно, то будете счастливы и избавитесь смерти и никакого вреда вам не будет – клятвою клянемся и поверьте; а если совету сему не последуете, то преданы будете без пощады смерти. Мы отсюда не отступим, и не думайте об этом, чтобы мы не могли взять крепость».

Угрозы эти остались одними словами: среди восставших не было единодушия и единства в действии; они были плохо вооружены и, имея только одно орудие, не решались предпринять штурм. Обложивши со всех сторон Телав, инсургенты отрезали все пути сообщения и намерены были продолжительной блокадой достигнуть своей цели; но прошел месяц, а осажденные не сдавались. Переноса всевозможные лишения, гарнизон дождался прибытия главнокомандующего, который 4 марта появился с отрядом в виду г. Телава.

Оставив пехоту за деревней Цинандали в семи верстах от крепости, маркиз Паулуччи поехал, с 50 казаками и с некоторыми преданными нам грузинскими князьями, вперед, к крепости. Заметив приближение главнокомандующего, инсургенты рассыпались в разные стороны, бросили начатые траншеи и в них одно шестифунтовое орудие.

Телав был освобожден, и с занятием его последние шайки инсургентов были разогнаны. Волнение в Кахетии на время прекратилось, о чем и было объявлено в Грузии, Имеретин и сообщено начальникам войск в ханствах.

С окончанием беспорядков из разных деревень Кахетии были представлены правительству солдаты, спасенные жителями от преследований народной ярости; многие грузины скрывали их у себя под именем рабов. Такие поступки доказывали, что туземцы не питали вражды к русскому правительству и не желали нарушать присяги, данной русскому императору: они восстали против злоупотреблений и недобросовестных исполнителей предначертаний правительства. Маркиз Паулуччи скоро узнал истинные причины волнений и не считал возможным скрыть их от императора Александра I.

«Причины происшедшей здесь революции, – доносил он³⁰, – по моему образу мыслей и сколько я мог видеть, заключаются: в безнравственности вообще, царствующей здесь между российскими чиновниками, которые, не имея правил религии, пускаются на большие или меньшие преступления. Подарки в числе злоупотреблений не последнее занимают место, и, к несчастью, при том часто на сие зло подавали право самые примеры, начальников, которые, наподобие азиатских сардарей, ханов и пашей, считали подарки, как приобретение законное и как одолжение за услугу».

С одной стороны, лихоимство чиновников, а с другой – неудовольствие дворянства, лишившегося своих прав с уничтожением моуравств и причислением в казну церковных и казенных имений, которыми управляли дворяне на правах собственности, – все это давало прекрасную почву для интриг членов бывшего царского дома и подготовило восстание. К этому присоединялось медленность русского судопроизводства и, наконец, по словам маркиза Паулуччи, тысячи «делаемых подлостей чиновниками провиантского ведомства, которых, невзирая на всю мою бдительность и строгость, в краткое время моего здесь командования, я не

³⁰ Во всепод. рапорте от 26 марта 1812 г. Акты Кавк. археогр. комиссии, т. V, № 97.

имел еще времени открыть всех и остановить зло, которого, в тягость народу и в разорению казны, они не перестают здесь делать с самой смерти генерала князя Цицианова».

Желая искоренить зло и устранить причины в народному неудовольствию, маркиз Паулуччи не находил другого средства, как устранить провиантских чиновников от покупки хлеба, поручив это дело гражданскому губернатору, при содействии частных лиц.

Вместе с тем, признавая несостоятельность уездных судов, главнокомандующий учредил в Сигнахском и Телавском уездах особые *временные суды*, в которых разбирались дела по законам царя Вахтанга, за исключением дел уголовных, рассматривавшихся по русским законам.

Грузины скоро оценили распоряжения главнокомандующего и с сожалением узнали, что маркиз Паулуччи оставляет Закавказье. Политическое положение России и неизбежность войны с Наполеоном побудили императора Александра I собрать вокруг себя людей, известных своим боевым опытом и военными дарованиями.

«Отличное ваше служение, – писал государь маркизу Паулуччи³¹, – обратило особое мое на вас внимание. Я, желая по достоинствам вашим употребить вас с большею блистательностью, повелеваю вам прибыть в С.-Петербург, а начальство над Грузией сдать генерал-лейтенанту Ртищеву».

Последний был совершенно неизвестен грузинам, и дворянство отправило в Петербург князя Захара Андроникова, с полномочием подать прошение на высочайшее имя об оставлении маркиза по-прежнему в звании главнокомандующего в Закавказье; но государь не признал возможным изменить своего решения.

Назначив маркиза Паулуччи своим генерал-адъютантом, император Александр поручил Ртищеву начальство над Грузией и Кавказскою линиею на тех же самых правах, какие имел генерал от кавалерии Тормасов. «Почему повелеваю вам, – писал император Ртищеву³², – отправиться немедленно в Тифлис, а управление на Кавказской линии поручить генерал-майору Портнягину».

Человек преклонных лет, не имевший за собою видной боевой деятельности, Николай Федорович Ртищев был человек религиозный и высокочестный. На долю его выпало одно из затруднительнейших положений в Закавказье; восстание в Кахетии, только что подавленное маркизом Паулуччи, чума и голод, все еще свирепствовавшие в Мингрелии и Имеретин, враждебные отношения к нам Турции и беспрестанные вторжения персиян в наши пределы делали положение Ртищева тем более трудным, что он мог располагать весьма ограниченным числом войск, без надежды получить какое-либо подкрепление.

В донских полках был огромный некомплект в строевых лошадях, а в полках пехоты не доставало 700 человек, пополнить которых было нечем, так как все рекруты шли на укомплектование армий, назначенных для отражения полчищ Наполеона, готовившегося вторгнуться в Россию. Главнокомандующему на Кавказе предоставлено распоряжаться только теми средствами, которые были под рукою; ему вменено в обязанность приостановить наступательные действия и обратить исключительное внимание на переговоры с тегеранским двором³³.

Полагаясь во всем на Бога и опираясь на своих помощников, Ртищев принялся за дело с свойственною ему летам осторожностью и озаменовал свое пребывание на Кавказе заключением мира с Персией. Блистательные дарования и действия Котляревского неразрывно связаны с этим событием и с расширением нашего владычества в Закавказье...

Прибыв 20 апреля в Тифлис, Ртищев в тот же день вступил в управление краем и командование войсками. Последние, большими или меньшими отрядами, были раскинуты на всем протяжении от Черного до Каспийского морей. Так, в Мингрелии, Гурии и Имеретин нахо-

³¹ В рескрипте от 16 февраля 1812 г.

³² В рескрипте от 16 февраля 1812 г.

³³ Отношение военного министра главнокомандующему, 4 мая 1812 г., № 160.

дился отряд из пяти с половиною батальонов³⁴ и донского Балабина полка, под начальством генерал-майора Симоновича. Резервом ему служили расположенные в Карталинии семь рот пехоты³⁵ и донской Поздеева 8-го полк, под командою полковника Печерского. Пять рот³⁶ с двумя орудиями находились в Тифлисе, по одной роте Суздальского полка были в Анануре и Пасанануре – пунктах весьма важных для поддержания беспрепятственного сообщения с Кавказскою линиею. Кабардинский пехотный³⁷ и донской Данилова полки были расположены в Кахетии. Замок, принадлежавший царевичу Давиду и построенный над р. Алазанью, занят двумя ротами; селения Магаро и Караагач – батальоном Кабардинского полка. Вместе с тем, для лучшей охраны и облегчения войск при обороне, сделано распоряжение о вырубке леса по обеим сторонам дорог, ведущих в Балачауры, Тионеты и Ахмети, а также по Сигнахской дороге до г. Телава.

Защита крепости Ахалкалак и обеспечение границы нашей с Турциею возложены на отряд генерал-майора князя Орбелиани³⁸, которому, сверх того, поручено прикрывать Сомхетию и Шурагельскую провинцию, если бы персияне сосредоточили свои силы против них, для чего и иметь сообщение с стоявшим в Памбаках отрядом генерал-майора Лисаневича³⁹.

Последний, имея в своем распоряжении пять батальонов и два донских казачьих полка, занимал важнейшие пункты Памбакской и Шурагельской провинций, а именно: селения Караклис, Бекант и Гумри. В первых двух селениях строились укрепления, а в Гумри исправлялась существовавшая там каменная батарея. Под защиту этих укреплений должны были собираться жители, в случае неприятельского вторжения.

Прикрывая своим отрядом большую часть Грузии, генерал Лисаневич имел свои фланги обеспеченными: с одной стороны отрядом генерал-майора князя Орбелиани, а с другой – отрядом генерал-майора Клодта фон Юргенсбурга, стоявшего между Чардахлами и Шамхором, с тремя батальонами пехоты, одним казачьим полком и половиною батареей роты⁴⁰. Войска эти должны были защищать Шамшадильский и Елисаветпольский округа. В Елисаветполе находились три роты Севастопольского полка, и гренадерская рота того же батальона поставлена в г. Нухе.

Далее, в Карабаге стоял генерал-майор Котляревский с шестью батальонами и казачьим полком⁴¹. В Баку и Дербенте находились особые гарнизонные батальоны, а в Дагестане, для защиты Кубинской провинции и Кюринской крепости, был особый отряд, под начальством генерал-майора Хатунцева⁴². Сверх того, в Баку находился еще Каспийский морской батальон, назначенный собственно для десанта, если бы представилась необходимость сделать высадку или воспрепятствовать персиянам строить в своих портах суда⁴³. За этим наблюдала каспийская флотилия, суда которой были расположены: корабль «Гром» и корвет «Казань» у острова Саро; бриги «Яцерица» и «Змея» – у Ленкорани; люгер «Горностай» – у гиллянских берегов, а люгер «Щегол» и транспорт «Осетр» стояли на Бакинском рейде.

³⁴ Белевский пехотный полк, два батальона 15-го егерского полка и две роты морского батальона в крепости Сухуме.

³⁵ Грузинского гренадерского полка: две роты с орудием в г. Гори, одна рота в Осетии; 15-го егерского полка две роты с орудием в Сураме, одна в Барели и одна с орудием в Боржоме.

³⁶ Херсонского гренадерского и Кабардинского пехотного полков.

³⁷ Три батальона, за исключением одной роты, оставленной в Тифлисе.

³⁸ 46-й егерский полк, две роты 15-го егерского полка, донской Ежова полк и полроты артиллерии.

³⁹ Предписание генерал-майору князю Орбелиани, 14 апреля 1812 г., № 689.

⁴⁰ Два батальона Херсонского гренадерского полка, один батальон Тифлисского и донской казачий Извалова полк.

⁴¹ Девять рот Грузинского гренадерского полка, 17-й егерский полк.

⁴² Троицкий мушкетерский полк, батальон Севастопольского полка, казачий Сысоева полк и гарнизонные батальоны: Бакинский и Дербентский.

⁴³ Письмо маркиза Паулуччи Ртищеву, 20 марта 1812 г., № 398.

Из обзора расположения войск и очертания нашей границы видно, что положение генерал-майора Котляревского в Карабаге было самое затруднительное потому, что, куда персияне ни направили бы свои неприязненные действия, они не могли миновать Карабага. Сознавая свое аванпостное положение, Котляревский настолько зорко следил за неприятелем, что большая часть воззваний, посылаемых персиянами в наши мусульманские провинции, попадались в его руки. В конце мая и начале июня деятельность персидского правительства в этом отношении была весьма плодovита, и прокламации в огромном числе распространялись между населением.

«Прежде сего, – писал Баба-хан в своем фирмане⁴⁴, – высокостепенный Мехти-Кули-хан Джаванширский (Карабагский), вследствие различных причин, держал себя в отдалении от царской нашей службы и, будучи испуган, дичился нас. Теперь он, признав наши монаршие милости и благосклонность *капиталом своей надежды и упования*, изъявляет готовность оказывать нам заслуги и повиновение и обещает искоренить, истребить, пленить и изгнать русских гяуров из Карабага.

Вследствие чего мы по монаршему нашему благоволению, забывая прежнее его отчуждение, достаиваем его монаршей нашей благосклонности и желаем, что если он начнет враждебные действия против русских и успеет выполнить возложенные на него поручения и очистить Карабаг от гадости русских, то обещаем, согласно собственному его желанию, утвердить его в карабахском владении без малейшего вмешательства посторонних и приказать, чтобы, рассеянные по Азербайджану и прочим местам, разные семейства карабагские были опять возвращены в Карабаг и там водворены».

Мехти-Кули-хан представил этот фирман генералу Котляревскому, чтобы он, «по прочтении, узнал его содержание». Такая же точно участь постигала большую часть воззваний, и если они встречали удобную для себя почву, так это в Дагестане, где находились бывший хан Дербентский Ших-Али и Сурхай-хан Казикумухский, самые искренние агитаторы в пользу персидского правительства.

В июне посланные Ших-Али к властителю Персии возвратились обратно. Пробравшись через Табасаранские горы, они привезли ему 1500 червонцев и подарки: Сурхай-хану, брату аварского султана Гассан-хану и акушенским старшинам. Баба-хан просил их собрать как можно более войск и быть готовыми к действию с его войсками, через Ширванское ханство. Сурхай тотчас же пригласил к себе на совещание акушенских и других старшин, но решение их не соответствовало его ожиданиям. Акушенцы отказались принять прямое и открытое участие в неприязненных действиях, но готовы были пригласить охотников сражаться под знаменами Сурхая. Такое заявление не устраивало владельца казикумухского: всем охотникам надо было платить деньги, а этого хан не любил и потому решил, не связывая себя никакими обязательствами с акушенцами, послать приглашение к ахтинцам и рутульцам. Сурхай писал им, что все дагестанцы, согласись между собою, обязались клятвою собраться в одно место и идти против «беззаконных и несчастных врагов Богу и нашему закону, которые при помощи Божией будут побеждены и наказаны».

Посланный с этим письмом попался в наши руки, и вместо письма Сурхая ахтинцы получили предложение генерал-майора Хатун-цева не верить словам хана Казикумухского, но оставаться спокойными и верными тому правительству, которому они уже присягнули.

Хотя на точное исполнение этого совета и нельзя было надеяться, но можно было быть уверенным, что сведения, полученные русскими о намерениях Сурхая, заставят горцев отказаться от поголовного ополчения и оказать сильную помощь казикумухцам. Так оно было в

⁴⁴ Акты Кавк. археогр. комиссии, т. V, № 698.

действительности, и Сурхай успел только склонить на свою сторону уцмия⁴⁵ Каракайтагского, человека враждебного России.

На границах уцмия с давнего времени производились грабежи, разбои и захват наших товаров, отправляемых в Дербент из Кизляра и Тарков. На требование запретить подобное своеволие и доставить удовлетворение обиженным уцмий отговаривался, что народ его не слушает и он не в состоянии удовлетворить всех требований; а когда дело коснулось до совокупных действий с казикумухским ханом, то власть его оказалась настолько сильною, что он собрал значительное число войск в помощь Сурхаю.

Не желая допустить соединения союзников и предпочитая разбить их по частям, генерал-майор Хатунцев, стоявший лагерем при Калэсуаре, предпринял экспедицию во владения уцмия Каракайтагского. Он разделил отряд на две части: четыре роты Троицкого полка с одним орудием, под командою майора Нешковича 1-го, отправлены в Кураг, в подкрепление тамошнему гарнизону, для противодействия Сурхаю, если бы он попытался вторгнуться в Кюринскую провинцию; три же роты с двумя орудиями Хатунцев взял с собою в Дербент и, присоединив там 250 человек из гарнизона, в ночь на 28 июня форсированным маршем двинулся во владения уцмия Каракайтагского. Пройдя 60 верст от Дербента, Хатунцев, в пять часов по полуночи, остановился лагерем у селения Башлы, в котором насчитывалось до 200 домов и до 5000 жителей мужеского пола. Народ считал себя вольным, признавал уцмия своим протектором, но не платил ему никакой дани.

Неожиданное появление русского отряда навело такой страх, что население, несмотря на свою многочисленность, разбежалось в разные стороны. Разослав по всем соседним селениям гонцов с извещением о появлении русских, башлинцы признали лучшим покориться, и на другой день старшины их явились с просьбою о помиловании, просили не делать им никакого разорения, объявить, с какою целью прибыл русский отряд, и обещались удовлетворить всем нашим требованиям. Присягою над Кораном они обязались: не собирать войск, не оказывать никакой помощи Сурхайхану Казикумухскому и прекратить грабежи по дорогам из Кизляра и Тарков в Дербент.

Титул правителя Кайтага (обл. в Дагестане) с XVI в. Упразднен в 1820 г.

Точно такие же требования были предъявлены самому уцмию Каракайтагскому и старшинам прочих окружных селений. Получив и от них клятвенное обещание поступать во всем согласно желанию русского правительства, генерал-майор Хатунцев пошел обратно в Дербент, а оттуда отправился в Кураг, для осмотра войск и ограждения границ наших от неприятельских предприятий со стороны хана Казикумухского.

Из Курага Хатунцев отправил письмо Сурхаю, советуя ему оставить свои замыслы, распустить войска и не заставлять действовать против него силою оружия⁴⁶. Прибытие в Кураг четырех рот пехоты на усиление тамошних войск, присяга уцмия и башлинцев заставили Сурхая подумать о своем положении. Он отвечал, что оставляет свое намерение действовать неприязненно и клянется Богом, что останется верен и спокоен. Хатунцев потребовал присяги и, зная непостоянство Сурхая и его вероломство, выступил с отрядом из Курага и двинулся в Казикумух. Появление русских войск на границах владения заставило Сурхая вступить в переговоры, которые тянулись, впрочем, более 10 дней и сопровождались со стороны хана разными отговорками и уклонениями. Наконец, 17 июля он прислал с своим любимым сыном Муртаза-Алием присягу, утвержденную печатью, с извинением, что сам, по старости и слабости здоровья, не может приехать для личного свидания с Хатунцевым. С сыном Сурхая прибыли кадии акушенцев и даргинцев, которые также присягнули и поклялись, что с этих пор живший у них Ших-Али будет спокоен и не предпримет неприязненных действий против России. «В

⁴⁵ Титул правителя Кайтага (обл. в Дагестане) с XVI в. Упразднен в 1820 г.

⁴⁶ Рапорт Хатунцева главнокомандующему, 13 июля 1812 г., № 417.

противном же случае, – писал Ртищев⁴⁷, – народ акушенский всякое вредное его поведение примет на собственную свою ответственность, только бы Шиху-Али под их надзором позволено было от российского правительства иметь среди их свое жилище беспрепятственно и от них не выгонять, так как народ акушенский, обязанный отцу его Фетх-Али-хану многими благодеяниями, признал его за своего кунака и, по их обыкновениям, обязан призреть его и оказать всякое покровительство».

Согласившись на эту просьбу и обещая, сверх того, уменьшить пошлины с товаров и изделий, привозимых акушенцами в Дербент и Кубу, генерал Хатунцев окончательно парализовал тем содействие дагестанцев персиянам и успел успокоить их, прежде чем Аббас-Мирза подошел к нашим границам.

Сосредоточив свои войска в урочище Яме, в восьми агаджах⁴⁸ от Тавриза, наследник персидского престола располагал, по слухам, вторгнувшись в Карабаг, разбить Котляревского, возмутить жителей Нухинского владения против Джафар-Кули-хана и двинуться в Грузию в то время, когда сардар Хуссейн-Кули-хан направится со стороны Эривани, а Эмир-хан с своею конницею сделает набег на Елисаветпольский округ.

Под предлогом того, чтобы дать время всем отрядам собраться на назначенных им местах и затем действовать одновременно с разных сторон, персияне весьма долгое время не предпринимали ничего решительного и довольствовались одними разглашениями о значительности своих сил и серьезности своих намерений. Хуссейн-хан Эриванский боялся отойти далее 25 верст от Эривани и ограничивался передвижениями к Карасу и Эчмиадзину.

Передвижения эти, не имевшие вовсе решительного характера, производились с единственною целью отвлечь наши войска и внимание от Грузии, где подавленное было восстание проявилось снова. Один из грузинских владельцев, мтиулетинский моурав, по личному неудовольствию на начальство, собрал значительную партию буйных голов и произвел новое волнение в Кахетии. Шайка его состояла из жителей Ананурского уезда, ишавов, хевсур, гудомакарцев и мтиулетинцев. Не ограничиваясь грабежом и убийством русских чиновников, попадавшихся в их руки, восставшие просили помощи лезгин и отправили посланных к царевичу Александру, с приглашением, от имени всего народа, прибыть в Грузию и принять бразды правления. Хотя и было сделано распоряжение, чтобы никто не отлучался из деревень без ведома начальства, но 16 человек грузин Телавского уезда все-таки успели разными путями пробраться к царевичу Александру. Семейства бежавших были арестованы⁴⁹, но мера эта вызвала новые осложнения. Противники русского правительства воспользовались этим и стали разглашать, что дарованное маркизом Паулуччи прощение участникам первого бунта не будет исполнено и они будут все-таки наказаны. Большинство поверило разглашениям, и все те, которые считали себя виновными, снова перешли на сторону возмущившихся. Толпа вооруженных быстро возрастала и усилилась прибывшими к ним на помощь лезгинами. Телавский комендант майор Шматов оставил город и двинулся за реку Алазань для отражения лезгин. Рассеявши неприятеля,

Шматов, при возвращении в Телав, был окружен кахетинскими мятежниками и с большим трудом и значительными потерями возвратился в крепость, будучи сам тяжело ранен пулею в левую щеку навывлет⁵⁰.

Получив об этом сведение, главнокомандующий отправил в Кахетию генерал-майора Сталя, поручив ему познакомиться на месте как с причиною восстания, так и с поступками чиновников. Он был уполномочен объявить народу, что дарованное прощение будет испол-

⁴⁷ Князю Горчакову, от 22 ноября 1812 г. Акты Кавк. археогр. комиссии, т. V, № 755.

⁴⁸ А г а д ж – мера длины, верста.

⁴⁹ Предписание телавскому моураву, 28 апреля 1812 г., № 371.

⁵⁰ Всепод. рапорт Ртищева, 18 мая 1812 г., № 18.

нено в точности, и предложить жителям возвратиться в свои дома из гор и лесов, в которых они скрывались⁵¹.

9 мая генерал-майор Сталь с первым батальоном Кабардинского полка прибыл на реку Иору и соединился с двумя ротами второго батальона того же полка. Вместо того чтобы следовать прямо к Телаву, он остановился на несколько дней на реке Поре, в ожидании прибытия к себе четырех эскадронов нижегородских драгун, и отсюда разослал в Сигнахский и Телавский уезды прокламации, от которых, впрочем, и сам не ожидал большего успеха. Он обещал прощение всем тем, которые возвратятся в свои дома и не будут выходить из круга своих обязанностей и повиновения. Вместо исполнения нашего требования, князя Рафаил Эристов и Иван Джорджадзе приглашали всю Кахетию присоединиться к ним, ездили по селениям и силою принуждали жителей переходить на их сторону. Генерал-майор Сталь отправил к ним нарочного, советуя явиться с покорностью и обещая прощение. В ответ на это князья заняли своею шайкою все проходы, ведущие через горы в Телаву, и их передовые пикеты появились вблизи самого города. Таким образом, убеждения не подействовали – оставалось употребить силу для прекращения беспорядков.

В батальоне, с которым пришел Сталь на реку Иору, было только 280 человек строевых, а в двух ротах 2-го батальона состояло 329 человек, из которых более 100 человек не имели ружей⁵². С этим отрядом генерал Сталь, 13 мая, ринулся к селению Велисцихе и на пути узнал, что, накануне вечером, до 100 человек мятежников были в селении и уговаривали жителей вместе с ними напасть на г. Ситах. Получив отказ, инсургенты зажгли несколько домов и 14 мая подошли к Сигнаху⁵³.

Жители селения Велисцихе и некоторые князья явились с покорностью и объявили, что брат князя Рафаила Эрнстова отправился для уговаривания восставших, и действительно толпа грузин, собравшаяся у деревни Мукузани, в числе 3000 человек, разошлась по домам⁵⁴.

Приведя к присяге жителей селения Велисцихе, генерал Сталь двинулся к Сигнаху, разогнал толпу мятежников и привел к покорности жителей города. Отсюда он отправил в Телавский уезд митрополита Бодбеля с прокламациею главнокомандующего⁵⁵, но посылка эта не имела успеха; волнение в Кахетии усиливалось, и число инсургентов у Телава возрастало настолько быстро, что для разогнания их было уже недостаточно тех сил, которыми мог располагать генерал-майор Сталь. Главнокомандующий приказал отправить с Кавказской линии в Грузию линейный казачий полк, с тем чтобы он следовал без дневок. Для воспрепятствования инсургентам пробраться в Карталинию был поставлен на границе с Кахетиею наблюдательный отряд. Все места, где мятежники могли переправиться через реку Арагву, заняты войсками; в Душет отправлено пятьдесят драгун для наблюдения за населением⁵⁶. Генерал-майору Симоновичу приказано двинуть из Имеретин в Грузию батальон 15-го егерского полка⁵⁷.

Для действий против инсургентов, собравшихся у г. Телав, отправлен начальник 20-й пехотной дивизии генерал-майор князь Орбелиани с отрядом, состоявшим из 150 казаков линейного полка, роты Грузинского гренадерского полка и сборной команды от полков 20-й дивизии, пришедшей в Тифлис за приемкою вещей. Подойдя к Телаву и приняв начальство над отрядом Сталя, генерал-майор князь Орбелиани должен был объявить прокламацию глав-

⁵¹ Предписание генерал-майору Сталю, 5 мая 1812 г., № 50.

⁵² Кабардинский полк потерял во время первого восстания 470 ружей, из коих впоследствии было собрано от жителей и доставлено в Сигнах 110 ружей.

⁵³ Всепод. рапорт Ртищева, от 2 июля 1812 г., № 48.

⁵⁴ Рапорт генерала Сталя главнокомандующему, 19 мая, № 37.

⁵⁵ Рапорты ген. Сталя от 12 и 18 мая, № 22 и 34.

⁵⁶ Предписания полковнику Печерскому, 17 мая, № 15; майору Котыреву, 17 мая, № 14; генерал-майору Дельпоццо, 12 мая, № 8.

⁵⁷ Предписание генералу Симоновичу, 17 мая, № 16.

нокомандующего, и если жители не послушают увещаний, то действовать силою, а пойманных с оружием в руках вешать⁵⁸.

Выступив из Гомбор 19 мая, князь Орбелиани надеялся к ночи достигнуть до Телава. Трудность дороги, которая, кроме крутизны, изрыта была во многих местах завалами, заставила его ночевать в 15 верстах от города. Наутро он двинулся далее и, отойдя версты две от ночлега, был встречен выстрелами инсургентов. Пробиваясь сквозь толпу штыками, князь Орбелиани остановился на Телавской равнине, близ деревни Вартазани, в четырех верстах от города⁵⁹. Здесь он узнал, что генерал-майор Сталь занял уже Телав, и многие из предводителей мятежа явились к нему с покорностью, присягнули и обещались оставаться верными и послушными всем распоряжениям правительства.

Князь Орбелиани пригласил их к себе для того, чтобы взять с собою и, перейдя на левый берег реки Алазани, показать народу, считавшему их повешенными или сосланными в Сибирь. Мера эта могла принести двоякую пользу: во-первых, инсургенты должны были убедиться, что зачинщики восстания находятся в наших руках, а во-вторых, что прокламации главнокомандующего исполняются во всей точности. Толпы вооруженных расходились по домам, и население мало-помалу успокаивалось. Князь Орбелиани переправился за реку Алазань и, не встречая нигде вооруженных, дошел до деревни Гавазы, потом перешел обратно через реку и через Сигнах прибыл 30 мая в Тифлис.

Генерал-майор Сталь был назначен командующим войсками в Кахетии. Ему поручено принять меры к окончательному успокоению народа, и с этою целью в его распоряжении оставлены: рота Кабардинского пехотного полка, четыре эскадрона Нижегородского драгунского полка и 25 линейных казаков. Пройдя с этим отрядом по реке Алазани до Кварельской крепости, Сталь привел всех жителей к присяге, «кроме нескольких, — доносил он, — которые обещались принять оную в Алавердском монастыре». Таким образом, казалось, что волнение в Грузии было окончательно подавлено. Карталинцы были спокойны и не принимали никакого участия в восстании. Главные зачинщики получили полное прощение, и некоторые из них изъявили даже желание служить в рядах русских войск. Князь Орбелиани за эту экспедицию произведен в генерал-лейтенанты, митрополит Бодбель награжден орденом Св. Анны 1-й степени, многие князья и духовные лица также получили награды⁶⁰.

Прошло несколько спокойных дней, как вдруг в Тифлисе получено было сведение, что царевич Александр намерен пробраться в Кахетию и поднять все население. Слухи эти, к сожалению, оказались справедливыми.

Приняв с распростертыми объятиями прибывших к нему грузин Телавского уезда, Александр немедленно отправил их в Тавриз к Аббас-Мирзе с тою целью, чтобы они лично заявили о желании всего грузинского народа иметь царевича своим верховным вождем. Александр надеялся, что такое заявление вызовет энергические действия со стороны наследника персидского престола и он окажет царевичу помощь к осуществлению его давнишнего желания.

Аббас-Мирза принял посланных с видимым равнодушием и не дал им никакого определенного ответа, что, как увидим, сделано было с особою целью. Царевич Александр был крайне опечален таким приемом, но, как человек всегда готовый произвести замешательство в крае, объявил прибывшим соотечественникам, что если персидское правительство откажется помочь ему, а он убедится в преданности к нему кахетинского народа, то, всегда готовый жертвовать жизнью для отечества, он даже и с 80 человеками своей свиты проберется в Кахетию⁶¹. Он отправил с посланными целую серию возмутительных писем.

⁵⁸ Предписание генерал-майору князю Орбелиани, 16 мая, № 12.

⁵⁹ Рапорт генерал-майора князя Орбелиани главнокомандующему, от 20 мая, № 9.

⁶⁰ Высочайше утвержденный доклад. Воен.-уч. арх. Глав. штаба, д. № 361.

⁶¹ Рапорт козахского моурава Ртищеву, 30 мая 1812 г. Предписание Ртищева барону Клодту, 4 июня 1812 г. Акты Кавк. археогр. комиссии, т. V, № 424 и № 800.

«Царевич Александр, – писал он⁶², – докладываю вам множество приветствий, исполненных братской любви, с пожеланиями добра. Столь знаменитая и честная ваша храбрость достигла во все четыре стороны: восток, запад, юг и север, и все народы Персии плетут вам венцы победы и похвалы; ныне прославились жители Грузии и увенчаны венцом славы. Какую похвалу вам принести или какую милость обещать вам, которые превышают все достоинства и почести, восстанавливаете толико падший царский дом, приобретаете детей царя Ираклия и не забыли его уважения к вам, как отца к детям. Исполать вашей памяти и доброму выбору и браво таковой вашей храбрости и мужеству!

Что мне делать? Если вас назвать детьми, то более отца вы оказали милостивую память, а если назвать вас братьями, то ни единый из братьев не сделал брату столько добра. Вы есть очи, коими освещается разум и крылья царя Ираклия... От начала поныне такой подданнической любви никто не оказывал своему господину, как вы, а потому, всеми хвалимые, почтенные и вожденно любезные, царя Ираклия первородные дети и любезнейшие наши братья, хотя мы на письме объясняемся с вами, но я думаю, что среди вас сижу и лично с вами, любезные, вожденно беседую. Бог да прославит вас более, возвышая имя ваше, а нас да удостоит возблагодарить вас радостно.

Затем, если хотите знать об обстоятельствах здешних, то при Божией милости шах-заде (Аббас-Мирза) изволил прибыть с большим войском и казною на Гокчу, и намерены мы идти на Казахские горы с пушками, с 12 тысячами пехотными сарбазами и 30 тысячами другими войсками; с другой, турецкой, стороны идет еще сераскир с большим приуготовлением, артиллерией и 60 тыс. войсками, коих половина уже перешла в Ахалцихскую землю; из Персии еще один шах-заде (принц) должен следовать елисаветпольскою стороною с 30 тысячами войска. Приготовления сделаны большие, а находящегося здесь сердаря отправляет шах-заде на Гумринскую сторону. Но ждем вашего уведомления; коль скоро от вас получим известие, то тем скорее поспешим по вашему уведомлению и письму».

Точно такие же письма были отправлены царевичем Александром к кахетинскому дворянству, мтиулетинским старшинам и всему арагвскому народу. Царевич просил их занять ущелья и испортить дороги, чтобы с Кавказской линии нельзя было подать помощи нашим войскам, «а с находящимися в Грузии русскими, – говорил самонадеянно Александр⁶³, – при помощи Божией мы сумеем справиться». Он уверял население, что придет к нему с таким числом войск, какого еще никогда Персия не собирала и, в доказательство справедливости своих слов, присоединил к своим письмам прокламацию эреванского хана. Называя царевича Александра царем Грузии, Хуссейн-Кули-хан просил грузин послужить ему не жалея жизни и присовокуплял, что «через короткое время мы переедем горы с большим войском; тогда мы покажем русским и им преданным, что значит мир»⁶⁴.

Письма эти, полученные после прекращения мятежа, не произвели особого впечатления в Грузии, но зато они с успехом распространялись между горским населением у тушин, пшавов и хевсур. 12 июня народ собирался, по обыкновению, на годовой праздник в Ломисе. Туда же явился посланный царевича, выдававший себя за пророка и предсказателя. Он привез тушинам, пшавам и хевсурам письма от Александра и Баба-хана, просивших их восстать против русского правительства. Для лучшего привлечения жителей посланный привез от имени Александра в подарок капищу (храму) кусок материи. Подстрекаемый старшинами, народ постановил сделать нападение на посты, расположенные по дороге из Тифлиса во Владикавказ, и разграбить транспорты, шедшие в Тифлис с амуницией и провиантом.

⁶² От 16 мая 1812 г., князьям, дворянам, чиновникам и вообще народу, живущим ниже Телава, в имениях князей Андрониковых и Вачнадзе. Акты Кавк. археогр. комиссии, т. V, № 421.

⁶³ В письме арагвскому народу от 6 мая 1812 г. Акты Кавк. археогр. комиссии, т. V, № 423.

⁶⁴ Письмо эреванского хана кахетинским, кизихским и арагвским князьям, дворянству и народу, 19 мая 1812 г. Акты Кавк. археогр. комиссии, т. V, № 422.

Не имея под рукою свободных войск для усиления важнейших пунктов, находившихся на сообщении нашем с Кавказскою линиею, главнокомандующий отправил в Ломис подполковника князя Эрнстова с тем, чтобы он, как пользующийся уважением народа, уговорил его оставаться спокойным и верным присяге, данной русскому правительству. Пшавы и хевсуры дали слово князю не предпринимать враждебных действий, но в течение целого июня грабили наши транспорты⁶⁵. Их подговаривали к этому царевич Александр и беглый имеретинский царь Соломон.

«Любезные и именитые братья, – писал Соломон⁶⁶, – все вообще арагвцы, тушины, хевсуры и пшавы – все до единого горские люди! Докладываем вам привет, исполненный братской любви. Затем, я услышал о вашем доблестном деле и именитости. Вашим именем земля наполнилась, достигнув дворов великих государей. Мое ухо что могло услышать лучше этого? По всему лицу земли повторяют ваше имя, хвалят вас и радуются за вас... Мы также вот, по милости великого государя (султана), с несчетными войсками вступим в Имеретию; наши сторонники тоже к вам придут, с Божиею помощью. Ведь мы имеем не одно имеретинское дело, а так как вы столько обязываете Багратионов и проливаете за них кровь, то мы желаем и нашу кровь смешать с вашею доброю кровью. Вот мы уже прибыли с несчетными войсками, с той стороны царевич Александр, а с этой мы».

По словам грузин, царевич Александр ожидал только спадения вод, чтобы прибыть в Кахетию. Это известие, сопоставленное с фактическим наступлением персиян, могло считаться весьма вероятным, и главнокомандующий приказал наблюдать за всеми более скрытыми местами, где только мог пробраться царевич, за поимку которого обещана награда в 200 червонных. Сознывая, что появление царевича в Грузии может произвести огромные замешательства, предводители дворянства просили усилить войска, но Ртищев не признал это возможным, так как и без того незначительные наши боевые силы были необходимы для отражения персиян, уже появившихся в Карабаге.

⁶⁵ Ртищев князю Горчакову, от 6 июля 1812 г., № 51.

⁶⁶ Горским народам, от 1 июля 1812 г. Акты Кавк. археогр. комиссии, т. V, № 257.

Глава 2

Вопрос о мирных переговорах с Персией. Условия, постановленные нашим правительством, на которых может быть заключен мир. Вмешательство Англии. Прибытие в Тифлис Роберта Гордона в качестве уполномоченного. Переговоры его с Ртищевым. Состояние Карабага и войск, там расположенных. Набеги персиян. Письмо Ртищева Аббас-Мирзе. Вторжение персиян в Талыши. Обложение Ленкоранской крепости. Отъезд Ртищева в Карабаг. Прервание мирных переговоров

В самом начале 1812 г., под впечатлением ахалкалакского штурма, эриванский хан писал маркизу Паулеччи, что тегеранский двор готов приступить к мирным переговорам с Россией и он, хан, имеет от своего правительства разрешение снестись по этому предмету. Маркиз отвечал, что если намерение персидского правительства чистосердечно и Хусейн-Кули-хан имеет полномочие от своего двора, то прислал бы своего чиновника с полной доверенностью, для совещаний с русским уполномоченным о постановлении мирных условий.

Пока шла переписка об этом, последовала перемена главнокомандующих, и петербургский кабинет, отправляя полномочие Ртищеву, сообщил ему и те основания, на которых предполагалось заключить мир с Персией. Вместо прежде предполагаемой границы по рекам Куре, Араксу и Арпачаю дозволялось постановить границу «по межам тех владений и земель, которые ныне во власти нашей уже находятся и которые добровольно покорились скипетру его императорского величества или покорены силою его оружия. Сию границу постановить как можно выгоднее и удобнее во всех и особенно в военном отношении, что поручается местному сведению, соображению и попечению вашему». Персия должна была признать единственное владычество русского флага на Каспийском море, независимость ханства Талышинского под покровительством России и навсегда отказаться от всех земель и народов, владения которых находятся между вновь поставленною границею и Кавказскою линиею.

В случае согласия тегеранского двора на предложенные ему условия петербургский кабинет обязывался признать шахом властвовавшего в Персии Баба-хана, под именем Фетх-Али-шах, и наследником – его сына Аббас-Мирзу, и такое признание поддерживать силою оружия против всех тех, которые покусились бы его оспаривать⁶⁷. Получив такую инструкцию и пользуясь поручением министра иностранных дел доставить английскому послу сир Гору Узелею⁶⁸ депешу бывшего при нашем дворе сицилийского посланника, генерал Ртищев отправил в Персию надворного советника Фрейганга, как с этими депешами, так и с письмом к Аббас-Мирзе, в котором выражал полную готовность приступить к мирным переговорам.

Вслед за тем посланный от Аббас-Мирзы Хаджи-Абдул-Хасан, прибывший в Тифлис с словесным поручением относительно искреннего расположения тегеранского двора приступить к мирным переговорам, обратился с просьбою, чтобы главнокомандующий отправил к ним своего чиновника, для лучшего удостоверения наследника персидского престола, что возложенная на него миссия в точности исполнена. Генерал Ртищев отправил тогда своего адъютанта, подпоручика Попова, с поручением уверить Аббас-Мирзу, что император всегда готов заключить мир и иметь дружбу с Персией, но что для достижения такой цели недостаточно словесных поручений, а необходимо письменное постановление. Посланному поручено заявить Аббас-Мирзе, что если тегеранский двор действительно желает приступить к составлению такого акта, то уполномочил бы приступить к переговорам такого чиновника, «коего звание и достоинство соответствовало бы важности сего дела и достоинству двух сильных держав».

⁶⁷ Отношение канцлера генералу Ртищеву от 7 апреля 1812 г. Арх. Мин. иностр. дел, 1 – 10, 1808—1818, № 2.

⁶⁸ Г о р Узелей – английский посол в Персии при Фетх-Али-шахе (1762-1832).

Аббас-Мирза принял Попова весьма ласково и заявил, что не только согласен послать одного из своих чиновников к главнокомандующему, для открытия мирных сношений, но намерен сам иметь с ним личное свидание на границе. В доказательство искренности своих намерений он объявил, что в течение 40 дней не предпримет военных действий, распустил на 20 дней свои войска, собранные в Тавризе, и обещал, в виде подарка главнокомандующему, выдать Попову шесть человек офицеров и 100 человек нижних чинов Троицкого полка, взятых в плен при Султан-Буд-Керчи.

Обещание это не было, однако, исполнено, и, с приездом в Тавриз английского посланника сира Гора Узелея, дела приняли совершенно другой оборот: уполномоченный не был отправлен к Ртищеву, пленные русские офицеры и солдаты не выданы, персидским войскам приказано собираться, и даже в обращении с посланными произошла заметная перемена.

Опасаясь, что Россия приобретет слишком большое влияние в Персии и вообще на Востоке, английское правительство, несмотря на союзные с нами отношения, решилось противодействовать этому, но таким путем, который не мог бы разорвать дружественной связи с Россией – связи, столь необходимой в то время самой Англии.

Под видом услуги и желания подвинуть Персию к скорейшему заключению мира с Россией английское правительство предложило свое посредничество, и когда оно было отклонено императором Александром, тогда сир Гор Узелей успел заключить трактат с тегеранским правительством, по которому Англия обязалась употребить всевозможное старание, чтобы склонить Россию на возвращение всех земель, нами у Персии завоеванных. Баба-хан, конечно, был очень доволен обещаниями англичан и уполномочил сира Гора Узелея принимать непосредственное участие во всех без исключения делах, относящихся до постановления мира с Россией.

Это полномочие было равносильно уничтожению самостоятельности персидского правительства и передавало ведение переговоров в руки англичан, так как тегеранский двор был в полной их зависимости: от англичан персияне получали ежегодную субсидию в 200 000 туманов, получали оружие, боевые припасы и даже сукно для обмундирования войск⁶⁹.

Представляя затруднительность положения, в котором находится Россия в Европе, вследствие неизбежного разрыва с Наполеоном, указывая на малочисленность русских войск в Закавказье, на волнения в Грузии и всегдашнюю готовность дагестанских горцев содействовать персиянам, сир Гор Узелей успел убедить Аббас-Мирзу, что, при некоторой твердости характера и напряжении своих боевых сил, он может добиться более выгодных условий мира. Безусловная вера в справедливость слов представителя Англии вызвала лихорадочную деятельность в Тавризе, и Аббас-Мирза стал поспешно собирать войска, а Баба-хан выступил из Тегерана в Султаню с многочисленной конницею. Сир Гор Узелей отправил в Тифлис своего племянника Роберта Гордона с заявлением, что персидское правительство несогласно на заключение перемирия. Вместе с Гордоном возвратились: надворный советник Фрейганг, подпоручик Попов и прибыл тот же самый Хаджи-Абдул-Хасан, хотя и тавризский купец, но пользовавшийся, впрочем, не малым значением в Персии.

Доставленное ими Ртищеву письмо от Аббас-Мирзы не заключало в себе ничего, кроме изъявления дружественного расположения и желания иметь подробные условия мирного договора, к заключению которого, по его словам, он готов был прямо приступить без заключения предварительных условий перемирия. Ртищев не соглашался и требовал, чтобы прежде всего было заключено перемирие, а затем безотлагательно приступлено было к переговорам о мире. Мнение свое главнокомандующий сообщил Аббас-Мирзе и передал Гордону.

⁶⁹ В начале 1812 г. было известно, что Англия ассигновала Персии 200 000 туманов (2 миллиона рублей) и в счет этой суммы отпустила ей 12 орудий, 12 000 зарядов, 12 000 ружей и сукно для обмундирования 12 000 человек (Акты Кавк. археогр. комиссии, т. V, № 248).

Английский двор, говорил посланный, имеет искреннее желание, чтобы мир между Россиею и Персиею был восстановлен, и обстоятельство это, будучи согласно с желаниями посла, тем более побуждает его содействовать сему важному делу. Но, при всем том, он никак не может надеяться, чтобы персидское правительство могло согласиться заключить мир, по желанию России, на основании нынешнего status quo.

Цветущее ныне состояние Персии, не имеющей у себя других неприятелей, кроме России, значительное увеличение боевых сил дают ей возможность и способы к поддержанию и не такой войны, какая была до сих пор и которая большею частью заключалась в набегах на границы, но войны правильной и продолжительной, которая возможна для Персии тем более, что Дагестан готов, по его требованию, действовать против русских войск, и сама Грузия ожидает только наступления неприятеля, чтобы принять его сторону. Столь явные преимущества, которые ныне имеет Персия против прежнего своего положения, лишают английского посла возможности, при искреннем его желании, оказать услугу России, и он находит крайне затруднительным дать другое направление намерению персидского правительства.

Высказавши мнение представителя Англии, Гордон спросил главнокомандующего: имеет ли он полномочие на то, чтобы, соображаясь с обстоятельствами, *отступить в мирных условиях от status quo и сделать некоторые уступки Персии*, по примеру того, как Россия сделала уступки Порте при заключении мира, и на которые Персия имеет еще более прав.

– Я весьма признателен английскому послу, – отвечал Ртищев, – за его старание к сближению нас с персиянами, и уверен, что его содействие к скорейшему заключению мира будет приятно его величеству и что оно будет принято доказательством того расположения к дружественным сношениям, которые возобновляются между Россиею и Англиею. С другой стороны, зная всегдашнее расположение императора прекратить войну, восстановить мир и дружбу с Персиею на самых умеренных основаниях и, оставя прежние требования наши удержать за собою только то, что по праву оружия находится уже в законной власти Русской империи, я всегда готов на этих условиях приступить к переговорам и заключить мир с персидскими полномочными.

Что же касается до величия Персии и мнимых ее преимуществ, на основании которых она может заключить мир с Россиею на более выгодных условиях, то, по моему мнению, надежда эта будет всегда химерною, потому что в течение восьмилетней войны с Персиею русское оружие было всегда победоносно. Завоеванные персидские провинции служат тому неоспоримым доказательством, а удержание их под властью России, невзирая на все усилия Персии, каждый год употребляемые, показывают не слабость сил здешнего края, но преимущество их над Персиею. Заведенные вновь персидским правительством регулярные войска будут еще весьма долго оставаться неустроенными и слабыми против русских войск, строгая дисциплина которых и неподражаемая храбрость известны всему свету. Умножение же в Персии нерегулярных войск не может дать ей перевеса, потому что русские войска привыкли спрашивать не о числе таких войск, а только о месте, где они находятся.

Впрочем, нынешнее величие Персии и способы к продолжению войны никто из благомыслящих не может сравнивать с истинным величием и могуществом Российской империи, имеющей в себе самой гораздо преимущественнейшие способы принудить Персию заключить мир на желаемых ею условиях. За всем тем, как его величество предпочитает мир войне и всегда желает быть в дружественных отношениях с соседними державами, то и я готов восстановить мир с Персиею, не требуя никакой уступки из владений, ей принадлежащих, и полагая только те границы, которые в настоящее время находятся в действительной власти каждой державы.

По этим причинам Персии гораздо благоразумнее воспользоваться выгодным для нее расположением императора, нежели, следуя мечтательным надеждам, вдаваться в неизвестность будущего и возобновлять войну, которая может подать причину к перемене тепереш-

него дружелюбного расположения России и, поведя дело гораздо далее, произвести следствия, невыгодные для Персии. Дружба, связывающая теперь Англию с персидским правительством, обязывает английского посла, для сохранения выгод союзной державы, стараться, рассеив пагубные химеры, показать Персии истину в настоящем ее виде и такими действиями оказать справедливость и истинное усердие к пользам обеих держав. Впрочем, если персидское правительство предпочтет военные действия мирным сношениям, то и я, имея войска везде на границах в готовности, не оставлю неприятельскую силу отражать силою же и действовать к славе оружия его величества.

Чтобы доказать на деле справедливость своих последних слов, Ртищев предложил Гордону, при возвращении в Тавриз, отправиться кратчайшею дорогою через Карабаг, посмотреть войска и познакомиться с командующим там генералом. «Особенно же в этом случае, – писал Ртищев⁷⁰, – мне желательно было показать ему довольно сильный отряд генерал-майора Котляревского, расположенный в Карабаге на таком месте, с которого менее пяти дней можно пехотою поспеть в самый Тавриз и нанести оному беспокойство».

Глубоко веривший, что не содействие англичан, а наступательные и решительные действия скорее всего заставят Персию вступить на путь мирных переговоров, Котляревский не одобрял такого распоряжения главнокомандующего. Он принял Гордона без галстука и, ссылаясь на жаркую погоду, приказал солдатам сделать то же. Котляревский хорошо знал персидскую искренность и расположение к нам англичан; ему не нравилось то, что Ртищев направил Гордона в Карабаг, где сам не был и где войска, да и самая страна находились вовсе не в таком блестящем виде, в каком предполагал главнокомандующий.

Карабаг находился тогда в самом расстроенном состоянии и защищался отрядом русских войск, весьма незначительным по своему численному составу.

При присоединении, в 1806 г., Карабага к составу империи в нем насчитывалось до 10 000 семейств, богатых хлебом и скотом. Впоследствии набеги персиян, несогласие в ханском семействе, неспособность Мехти-Кули-хана управлять народом, удаление жителей за границу от притеснений хана – все это уменьшило население до 4000 семейств, разоренных и ограбленных ханскими чиновниками, лишившихся скота и нуждающихся в собственном пропитании.

Народ ненавидел хана, желал избавиться от его тирании и легко поддавался под влияние тех, которые сулили ему лучшее будущее. Недостатка в таких лицах не было, и агенты Аббас-Мирзы были рассеяны почти по всему Карабагу. Туземцы верили их разглашениям, и, по словам Котляревского, только самая малая часть карабагцев была предана нам; «прочие же, – доносил он⁷¹, – смотрят, кому Бог поможет, и я должен бороться вместе с внешними и внутренними неприятелями. Надеюсь на Бога, что если Аббас-Мирза станет действовать так, как неприятель, а не как разбойник, то какие бы ни были планы изменников, – все разрушатся».

Располагая весьма ограниченными силами, Котляревский занял ими наиболее важные пункты, и в том числе самый передовой – селение Мигри, расположенное на р. Араксе и находившееся только в ста верстах от Тавриза, возле которого постоянно сосредоточивался неприятель. По дислокации гарнизон в Мигри состоял из одного батальона 17-го егерского полка, но на самом деле защита лежала не более как на двух ротах, а остальные, вследствие убийственного климата, находились в госпиталях и лазаретах.

«В июне, – доносил Котляревский, – начнутся болезни, свирепствующие там⁷². В июле, августе и сентябре до чрезвычайности; в таком случае одна рота есть жертвою гибели, которую отворотить нет возможности».

⁷⁰ Графу Румянцеву, от 27 июля 1812 г. Акты Кавк. археогр. комиссии, т. V, № 805.

⁷¹ Главнокомандующему, от 25 июня 1812 г. Акты Кавк. археогр. комиссии, т. V, № 801.

⁷² Главнокомандующему, от 21 мая 1812 г. Там же, № 294.

Имея всегда возможность узнать о положении нашего гарнизона, неприятель мог атаковать с. Мигри весьма значительными силами и прежде, чем мы были в состоянии оказать помощь гарнизону.

Для поддержания спокойствия среди населения приходилось разместить войска в разных пунктах небольшими отрядами и, чтобы собрать их в одно целое, необходимо было не менее трех суток, тогда как персиянам довольно было одного дня, чтобы появиться у Мигри. Предупредить возможность подобного случая можно было только зорким наблюдением за неприятелем и за всеми его движениями, а это могла сделать только кавалерия, в которой Котляревский очень нуждался.

«Ни при каких сборах неприятеля, – доносил он, – ни при каких усилиях Аббас-Мирзы против отряда, мне вверенного, не прошу и не буду просить добавки сюда пехоты, хотя оной у меня в отряде не так-то много, а всего только 1500 человек; но прошу казаков, которые мне необходимы, – и тех не получаю».

Недостаток в кавалерии делал разведывание о неприятеле крайне затруднительным, и персияне, переправляясь через реку Араке небольшими конными партиями, грабили селения, угоняли скот и жгли поля. Одна из таких партий, в числе до 4000 конницы, под начальством Хаджи-Мамед-хана и трех других ханов, 12 июля вступила в Карабаг и разделилась на две части: меньшая двинулась к селению Геронзур, а большая к селению Хинзыреку. Находившийся в этом последнем селении капитан Кулябка 1-й с ротой 17-го егерского полка⁷³, присоединив к себе 65 человек вооруженных армян и один трехфунтовый единорог, выступил навстречу неприятелю. Персияне атаковали его впереди селения, но, встреченные картечью и беглым ружейным огнем, принуждены были отступить. К ним присоединились та часть, которая была направлена к Герон-зуру и разбита 70-летним карабахским чиновником Касим-беком, собравшим 25 конных и 200 человек пеших обывателей. Соединившись вместе, персияне вторично атаковали наш отряд, но опять неудачно, и затем, по выражению Котляревского, *«не рассудив быть более битыми»*, бежали к Араксу⁷⁴.

Для наблюдения за неприятелем Котляревский составил подвижной отряд из трех рот Грузинского гренадерского полка, с которыми и перешел в местечко Аг-Оглан, откуда он мог встретить неприятеля, если бы он двинулся в Ширвань, Нуху или Карабах. Котляревский не раз заявлял о затруднительности своего положения, но главнокомандующий, все еще веривший в чистосердечное намерение персиян приступить к мирным переговорам, не допускал возможности наступательных действий с их стороны. Ртищев надеялся на содействие сира Гора Узелея и на письмо свое Аббас-Мирзе, отправленное с Гордоном. Посылая копию с мирного трактата, заключенного между Россией и Турцией, Ртищев писал Узелею, что немедленно выедет сам на границу для личных переговоров с Аббас-Мирзою. Такая решимость была не согласна с видами английского посла, и он отправил с этим известием секретаря посольства Морьера к Аббас-Мирзе, занимавшемуся охотой в восьми фарсангах от Тавриза.

Принц долго рассматривал трактат, выслушал письмо Ртищева к сире Гору Узелею и просил Морьера явиться к нему вечером за получением ответа. Следуя советам своего визиря Мирзы-Безурга, должным образом подготовленного английским посланником, Аббас-Мирза был не прочь испытать еще раз счастье в военных предприятиях. Обстоятельства, по-видимому, сулили ему успех: Наполеон вступал уже в Россию, войска, находившиеся за Кавказом, не комплектовались, а внутренние смуты не утихали. При таких условиях наследник персидского престола решился прибегнуть к двуличию, и когда явился к нему Морьер, то Аббас-Мирза продиктовал ему ответ, ничего не решающий, а заключающийся в заявлении, что единственное желание Персии состоит в скором заключении мира с Россиею.

⁷³ В составе этой роты находилось всего только восемь унтер-офицеров и 74 человека рядовых.

⁷⁴ Рапорт Котляревского главнокомандующему, от 19 июля 1812 г. Акты Кавк. археогр. комиссии, т. V, № 803.

Отправив ответ, Аббас-Мирза стал собирать войска, но, как секретно ни приводилась в исполнение эта мера, она не укрылась от внимания Котляревского. Он зорко следил за движением неприятеля и наблюдал за поведением карабагцев. Лишь только он узнал, что к Мехти-Кули-хану приехал хаджи с фирманом от Баба-хана, Котляревский приказал арестовать его и отправил за границу. Давший посланному убежище начальник курдов Асет-султан бежал к персиянам со 150 семействами, ему подвластными. Котляревский удвоил свою бдительность и скоро узнал, что Аббас-Мирза показался с своим войском близ урочища Султан-Чесар, в 12 агаджах от Аракса. Котляревский готов был его встретить должным образом, но шах-заде повернул к границам Талышинского ханства и, чтобы парализовать деятельность Котляревского, отправил к нему своего чиновника Неджеф-Кули-хана, под тем предлогом, чтобы встретить главнокомандующего и препроводить его по Персии до лагеря Аббас-Мирзы, избранного персидским принцем местом для свидания. Пользуясь временем, которое проведет Неджеф-хан в переговорах, Аббас-Мирза хотел, при помощи угров, заставить Мир-Мустафа-хана Талышинского передаться на его сторону, чтобы потом быть более свободным в своих действиях против Карабага, Нухи и Грузии.

Порешив с талышинским ханом, Аббас-Мирза мог направить свои действия на Сальяны, занять это местечко и, переправившись через реку Куру в Ширванском ханстве, пройти в Нухинское. Путь этот был гораздо удобнее для персиян, чем идти через разоренный Карабаг и иметь дело с отрядом Котляревского. Конечно, не Аббас-Мирза избрал этот путь, а указан он был англичанами, бывшими в войсках, обучавшими персиян действию при орудиях и командовавшими артиллериею. Повинуясь их указаниям, персидский принц двинул к талышинским границам три отряда: главный – в 10 000 человек со стороны местечка Сары-Камыша, другой от Гиляни и третий – от Ардевиля. Мир-Мустафа-хан просил помощи и защиты.

Большая часть его подвластных и даже некоторые родственники, как только узнали о движении персиян, оставили своего хана и передались на сторону неприятеля, Мир-Мустафа отправил жену и имущество на остров Сару, а сам с сыновьями присоединился к нашему отряду, расположенному на косе Гамушаван и там укрепившемуся. Оставаясь при отряде, хан переносил всю нужду вместе с нашими солдатами⁷⁵.

Между тем 9 августа персияне, под предводительством сердаря Эмир-хана, в числе до 20 000 человек ворвались в Ленкорань, и талышинцы первые начали грабить и жечь дома своих соотечественников, оставшихся верными хану. Овладев городом, неприятель двинулся к крепости, с надеждою занять ее так же легко, как и город. Выдвинув вперед восемь орудий, бывших при отряде, персияне с музыкою и барабанным боем бросились на укрепление, но огонь с судов и с крепостных стен отразил наступавших с весьма значительною для них потерей.

На следующий день штурм был повторен, но так же безуспешно. Тогда английский майор Гаррис прислал к командовавшему нашим отрядом капитану 1-го ранга Веселаго предложение заключить перемирие на семь дней, под предлогом того, чтобы иметь время спросить свое посольство, следует ли англичанам действовать против русских, так как он слышал, что между Россиею и Англиею заключен мир и союз. Веселаго отказался исполнить предложение, и тогда Гаррис сам приехал к нему на корвет «Арианда» с тою же просьбою. Он сообщил, что Аббас-Мирза назначил уже своих чиновников для управления ханством, так как, по его мнению, оно должно остаться всегда во владении Персии. Веселаго удивился таким распоряжениям, отказался заключить перемирие, и персияне, расположившись по окружным лесам, заняли выгодные позиции. Один из отрядов занял укрепление Аркевань, а другой, окружавший Ленкорань, отступив от берега, стал укрепляться, «обсыпая себя кругом валом».

⁷⁵ Письмо Веселаго майору Швецову, 31 августа 1812 г.

Под руководством англичан персияне открыли осадные работы, которые шли довольно успешно, несмотря на то что бомбардирский корабль «Громе» бомбардировал неприятельские укрепления.

Веселаго писал, что если ему не будет дана помощь, то он опасается, чтобы не вышло впоследствии «чего бедственного со мною, с войсками, с ханом и с остальным его народом, укрывшимся в Сен-герской крепости, которую стараются овладеть персияне» и узкий проход в которой охранял один корвет «Арианда».

Имея только 400 человек с одною трехфунтовою пушкою, командовавший сухопутными войсками майор Повалишин не мог сделать вылазки, чтобы прогнать неприятеля, должен был запереться в крепости и сознать, что с каждым днем положение его значительно ухудшалось. Продовольствия для отряда в запасе не было, и суда, его защищавшие, с наступлением бурного времени не могли оставаться в расстоянии пушечного выстрела от берега. «Если забрать на суда солдат из крепости, – писал Веселаго, – и орудия, коими она вооружена, в виду неприятеля, а после сего оставить в жертву до тысячи семейств талышинцев, кои вверили судьбу свою нашему покровительству, никак не можно, или по крайней мере сопряжено с опасностью и стыдом для нас. Сверх сего я должен отворить вольный проход в Сальяны и далее. Не знаю, что теперь предпринять».

Он писал Котляревскому о своем безвыходном положении и просил его помощи. Еще ранее этой просьбы Котляревский сам хотел переправиться через р. Араке и искать персиян, но приезд 10 августа Неджеф-Кули-хана остановил его. «Я посему, – доносил он, – не могу предпринять перейти Араке, дабы не прервать через то переговоры». Сообщив хану Ширванскому, чтобы он оберегал Сальяны, Котляревский объявил Неджеф-Кули-хану, что поступки Аббас-Мирзы и его движение в Талыши не показывают искреннего желанья заключить мир с Россиею. Персиянин отвечал на это, что Аббас-Мирза не намерен действовать неприятельски против талышей, но некоторые беки, не принадлежавшие прежде к Талышинскому ханству, просили его защитить их от Мир-Мустафы⁷⁶.

В то время, заметил Котляревский, когда посылается посланник для переговоров, военные действия должны быть прекращены. Талышинское ханство находится под покровительством моего государя, охраняется русскими войсками, и если Аббас-Мирза поступит неприятельски с владением, покровительствуемым Россией, то не должен будет винить, если и с ним поступлено будет худо.

Персидский посланный по-прежнему опирался на просьбу беков, а Котляревский доносил Ртищеву, что если через пять дней не получит от него разрешения относительно Неджеф-Кули-хана, то отправит его в Шушу, а сам переправится через р. Араке и пойдет искать неприятеля.

Главнокомандующий торопился остановить смелый порыв пылкого генерала и сообщил Котляревскому, что сам едет в Карабаг для мирных переговоров и личного свидания с Аббас-Мирзою; что он потребовал от наследника Персии, чтобы тот прекратил военные действия, и заявил, что не примет ни переговоров, ни перемирия, если персияне не исполнят его требования.

Аббас-Мирза прислал сказать с нарочным, что им сделано соответствующее распоряжение, и главнокомандующий сообщил капитану 1-го ранга Веселаго, что при таких условиях не находит нужным подкреплять его, а поручает ему с отрядом и флотилиею оставаться в том положении, в котором он находится. «В случае же вероломного поступка персиян, – писал Ртищев⁷⁷, – всемерно удержать вверенный вам пост и защищать талышинского хана до последней

⁷⁶ Рапорт генерал-майора Котляревского главнокоманд., от 14 августа № 557.

⁷⁷ Веселаго, от 4 сентября 1812 г., № 383.

возможности», а в случае крайности посадить весь отряд на суда, взять туда же артиллерию, талышинского хана с семейством и следовать в Баку.

21 августа Ртищев оставил Тифлис и с трехтысячным отрядом отправился в Карабаг⁷⁸. Столь сильный отряд он взял с собою для того, «чтобы, в случае несогласия в постановлении мира, присоединить оный к отряду генерал-майора Котляревского и, при открытии персиянами военных действий, противопоставить силу главным неприятельским войскам и действовать к славе оружие его величества»⁷⁹.

При приближении Ртищева к крепости Аскарани к нему выехал навстречу Неджеф-Кулихан, и затем главнокомандующий, соединившись с отрядом генерала Котляревского, 9 сентября прибыл в урочище Каракепек, в одном переходе от р. Аракса. Не входя с персидским посланным в переговоры, Ртищев в тот же день отправил командира 19-й пехотной дивизии генерал-майора Ахвердова к Аббас-Мирзе с просьбою назначить место, определить число войск, долженствовавшее находиться с каждой стороны при свидании, и другие подробности.

Вместе с тем главнокомандующий писал Аббас-Мирзе⁸⁰:

«Исполнен будучи усерднейшего желания приблизиться к доброму согласию и вместе с сим увлекаемый чувствованиями истинного уважения к достоинствам, отличающим вашу светлость, я готов по мере моей возможности оказать вам всякую угодность. Однако же долг имею предварительно сообщить, что сколько бы также ни желал я избежать необходимости беспокоить вас выбором места свидания нашего, которое должно быть непременно близ самого Аракса, но удалить сию необходимость мне невозможно, потому что ни звание, высочайше на меня возложенное, ни обязанности главнокомандующего не позволяют мне иметь место свидания в отдаленности от границ владений, начальству моему вверенных.

Впрочем, хотя строгие правила, наблюдаемые в подобных случаях всеми державами, требовали бы, чтобы место съезда нашего было на самой границе, не удаляясь от оной ни шагу, и чтоб оное назначено было по взаимному согласию обеих сторон, но я, в доказательство искреннего расположения моего к восстановлению мира, не отклонюсь единственно из уважения к вам перейти за Араке и иметь свидание с вашею светlostью в земле, персидскому правительству принадлежащей, но не далее одной или много уже двух верст от Аракса.

Место же к сему способное и для вас угодное я предоставляю единственному вашему выбору, лишь бы оное было в расстоянии от Аракса выше мною объясненном и на которое я буду согласен, если ваша светлость изволите об оном уведомить меня через письмо ваше, долженствующее служить мне в сем деле настоящим актом.

Притом, как срок, назначенный вами перемирию по 10-е число сего месяца, который я с моей стороны сохранил во всей ненарушимости, невзирая на то, что оный был определен вами, без взаимного между нами соглашения, и каковой поступок со стороны моей, я надеюсь, ваша светлость изволите признать также знаком моего особого к вам уважения, – при получении сего письма должен окончиться, съезд же наш и все время продолжения переговоров, по правилам всеобщего употребления, должен быть обеспечен постановлением с обеих сторон перемирия и превращением во всех местах неприятельских действий, то я и прошу вашу светлость определить срок новому перемирию, какой вам заблагорассудится, и почтить меня вашим о том уведомлением, для отдания со стороны моей предписания во все пограничные места о продолжении перемирия. Между тем, настоящий акт сроку постановляемого вновь перемирия может быть для вящей прочности взаимно утвержден и подписан при нашем свидании.

⁷⁸ В отряде его находились: четыре эскадрона Нижегородского драгунского полка, батальон Херсонского гренадерского полка, две роты 15-го егерского полка, 350 линейных, казаков и три орудия.

⁷⁹ Отношение Ртищева графу Румянцеву, 20 августа 1812 г. Акты Кавк. археогр. комиссии, т. V, № 813.

⁸⁰ В письме от 9 сентября 1812 г., № 58. Акты Кавк. археогр. комиссии, т. V, № 818.

Угождая таким образом вашей светлости, в том предположении, чтобы всемерно приблизиться к доброму согласию, которое может потом повести к важнейшим успехам в постановлении мира, я ласкаю себя приятною надеждою, что ваша светлость, руководимые истинным благоразумием и желанием счастья народам, коими мы по промыслу Всевышнего предназначены управлять, не найдете более никаких препятствий в избрании места съезду нашему близ самого Аракса и, в соответствие моих искренних намерений, удостоите изъяснить согласие ваше на тот порядок, с каковым должно быть учреждено наше свидание и о котором будет иметь честь лично доложить вашей светлости генерал-майор Ахвердов, имеющий от меня полную уверенность».

По прибытии Ахвердова в персидский лагерь Мирза-Безюрг потребовал, чтобы письмо главнокомандующего к наследнику Персии было вручено ему для предварительного прочтения; чтобы прежде своего представления Ахвердов имел личное свидание с английским посланником и, наконец, чтобы он явился к принцу в персидском платье и красных чулках⁸¹.

Ахвердов отказался исполнить эти требования, и тогда Мирза-Безюрг объявил ему, что одно только искреннее желание персидского правительства заключить мир может склонить наследника принять его без халата. Во время представления Мирза-Безюрг, недовольный нарушением обычаев, приказал одному из своих чиновников доложить Аббас-Мирзе, чтобы он в своем присутствии не сажал русского чиновника, «так как сей не согласился следовать их обыкновениям и надеть их платье». Наследник престола не послушал своего наставника и принял Ахвердова весьма ласково, прочел письмо и обещал дать ответ через Мирза-Безюрга. По совещании с последним и с сиром Гором Узелеем принц объявил Ахвердову, что, не имея позволения от своего отца, он не может оставить лагеря и просит, чтобы Ртищев выехал к нему на ту сторону Аракса, внутрь Персии, за восемьдесят верст от границы.

«Относительно назначения пункта свидания, – писал Аббас-Мирза Ртищеву⁸², – согласно прежнему моему извещению, ныне же сообщаю вам, что хотя первоначально назначено было место, называемое Султан-Хасари, вблизи Аракса, но ныне, в угоду вашему высокопревосходительству, я переменяю место и назначаю более близкий пункт к Араксу, именно Ак-Тепе, в 2 фарсах⁸³ расстояния от этой реки, и уверен, что вы более этого не сочтете сообразным с моим саном придвинуться к вам ближе.

Что же касается продолжения перемирия, то, согласно вашему желанию, мы от 20-го числа сего рамазана еще на 20 дней решили такое продлить. Оно может кончиться к 10-му числу шевала. На этом основании дано повеление пограничным начальствам и отрядным командирам впредь до нашего особого повеления не начинать военных действий».

Уклонение Аббас-Мирзы от личного свидания с главнокомандующим не указывало искреннего желания вступать на мирный путь. Конечно, при меньшей доверчивости, Ртищев с самого начала переговоров мог уже видеть, что персидское правительство не имеет намерения заключить мир. Вторжение в Карабаг и разорение Талышей были довольно вескими тому доказательствами.

В то время когда Ахвердов находился в лагере Аббас-Мирзы, персиянам было уже известно, что Наполеон вступил в Москву и занял первопрестольную столицу России. Вслед за тем в Тегеран прибыл французский агент, которому поручено было добиться удаления английского посольства из Персии и замены его французским посольством. Заявляя, что Наполеон вступил уже в Россию с многочисленными войсками и покорил большую часть ее провинций, французский агент обещал, с удалением английского посольства, возвратить Баба-хану

⁸¹ Рапорты генерал-майора Ахвердова Ртищеву, от 10, 13 и 26 сентября 1812 г., без номеров.

⁸² Акты Кавк. археогр. комиссии, т. V, № 819.

⁸³ Ф а р с а х – персидская мера длины; обычно расстояние, которое проходит караван до очередного отдыха, привала, или, иначе, расстояние, которое можно пройти пешком за час. 1 фарсах = 5549 м.

не только мусульманские провинции, но и всю Грузию⁸⁴. Хотя сиру Гору Узелею и удалось убедить тегеранский двор в неисполнимости подобных обещаний, тем не менее большинство лиц, окружавших Баба-хана, было убеждено, что если русское правительство с уступкою столицы и не признает себя побежденным, то все-таки принуждено будет употребить свои последние боевые силы на изгнание неприятеля; что мировые, европейские события отвлекут наше внимание от Кавказа, и персияне будут иметь возможность поправить свои обстоятельства и вернуть потерянное. Поддерживаемый в этом мнении, Аббас-Мирза желал только протянуть время и выждать.

Котляревский видел всю хитрость персидской политики и просил позволения Ртищева переправиться вместо него через р. Араке и взамен мирных предложений дать знать о своем прибытии пулями и штыками, но главнокомандующий не согласился и предложил персидскому принцу начать переговоры через уполномоченных. Аббас-Мирза принял предложение, избрал местом для совещаний укрепление Асландуз, находившееся на правом персидском берегу р. Аракса, и назначил уполномоченными «приближенного к государю, бесподобного визиря» Мирза-Абуль-Касима⁸⁵ и второго секретаря английского посольства Мориера. С нашей стороны были назначены генерал-майор Ахвердов и правитель канцелярии главнокомандующего Могилевский. В сопровождении летучего отряда, составленного из казаков, черкес и грузин, наши уполномоченные отправились за р. Араке. По предварительному соглашению, персидский уполномоченный сделал первый визит Ахвердову, и переговоры начались.

Русские уполномоченные требовали, чтобы тегеранский двор признал за Россиею все ханства и владения, занятые русскими войсками; чтобы все оставалось *status quo* и чтобы Талышинское ханство считалось под покровительством России. Персидские уполномоченные, напротив того, настаивали на том, чтобы Россия уступила Персии все присоединенные провинции: Дербентскую, Кубинскую, Бакинскую; ханства: Карабахское, Ширванское, Шекинское, области Елисаветпольскую и Шурагельскую⁸⁶. Ни та ни другая сторона не могла согласиться ни на какие уступки, и несговорчивость эта повела к тому, что после двух заседаний переговоры были прерваны и уполномоченные разъехались. Другого исхода и ожидать было нечего. Заранее убежденный в несостоятельности переговоров, Аббас-Мирза не прекращал военных приготовлений и содействовал царевичу Александру пробраться в Грузию, обещая помочь ему деньгами и войсками.

⁸⁴ Письмо английского посла в Персии лорду Каткарту, 22 марта 1813 г. Арх. Мин. иностр. дел, 1 – 13, 1802—1816, № 3.

⁸⁵ Сын Мирза-Безюрга, каймакала и дядьки Аббас-Мирзы.

⁸⁶ Ртищев Румянцеву, от 31 октября 1812 г. Акты Кавк. археогр. комиссии, т. V, № 844.

Глава 3

Прибытие в Кахетию царевича Александра. Новые волнения в Грузии. Действия против инсургентов отрядов полковника Тихоновского, генерал-майора князя Орбелиани и генерал-майора Симоновича. Бегство Александра к хевсурам. Письмо Ртищева царевичу Александру и ответ на него. Двудличие Александра. Просьба его эриванскому хану о присылке денег. Сношения царевича с персидским правительством и просьба о помощи

В первых числах сентября 1812 г. было получено в Тифлисе известие, что царевич Александр приближается к Дигому, с намерением переправиться через р. Куру у Авчал.

Командовавший войсками в Грузии, Имеретии и Дагестане генерал-майор князь Орбелиани, взяв 70 человек гренадеров и 25 линейных казаков, отправился с ними к Дигомской переправе. Простоявши там всю ночь, он не дождался царевича, и, полагая, что он избрал иной путь для переправы, князь Орбелиани приказал шефу 15-го егерского полка полковнику Печерскому занять все броды между г. Гори и Мцхетом. Печерский не успел исполнить приказа, когда в ночь на 6 сентября Александр со свитой около 100 человек переправился через р. Куру в этой дистанции и направился к селению Кавтисхеви⁸⁷.

Разослав повсюду объявление о своем прибытии, царевич предлагал грузинам присоединиться к нему. Он уверял население, что значительная часть персидских войск будет прислана в его распоряжение, что персияне решились изгнать русских из ханств и непременно придут в Грузию, но не для того, чтобы овладеть ею, а с единственной целью восстановить его на прародительском престоле и провозгласить царем Грузии. Только что успокоившееся было волнение снова возгорелось, и грузины толпами спешили в лагерь царевича. Горцы и кахетинская чернь окружили Александра, и почти весь Телавский уезд присоединился к нему. Согореджинский моурав и некоторые дворяне, видя возрастающую силу царевича, также перешли на его сторону. Александр двинулся к селению Тионетам, где собралось наибольшее скопище его приверженцев. Отсюда он отправил открытое письмо кахетинцам, в котором обещал всем тем, кто окажет ему преданность, раздать в награду имения, села и деревни тех князей и дворян, которые останутся верными русскому правительству.

Между тем, по получении в Тифлисе известия о появлении царевича Александра в Кахетии, генерал-майор князь Орбелиани приказал полковнику Печерскому с батальоном 15-го егерского полка следовать к селению Балачаури, лежащему близ большой дороги, как для охранения его, так и для диверсии в Тионети в случае, если царевич будет там держаться. Для пересечения же пути Александру в Кизик (Сигнах) отправлен в Кахетию полковник Тихоновский с батальоном 46-го егерского полка.

Выступив из Кизика (Сигнаха) 8 сентября, полковник Тихоновский должен был присоединить в себе на пути роту Кабардинского полка из Загореджо, роту из Велис-Цихе, четыре роты Кабардинского полка из Телава и 18 сентября быть непременно у Алавердского монастыря. Это необходимо было потому, что на следующий день, 14 сентября, был храмовый праздник. В день Воздвижения Животворящего креста грузины, по обычаю, стекаются к монастырю на праздник, и так как в алавердском храме прежде хранилась царская корона, то, чтобы не дать возможности царевичу Александру, находившемуся всего в 35 верстах, явиться среди собравшихся и заставить их присягнуть себе, признано было необходимым, чтобы Тихоновский прибыл к монастырю непременно накануне праздника.

⁸⁷ Секретный рапорт Ртищева кн. Горчакову, 25 сентября 1812 г., № 69. Рапорт кн. Орбелиани главнокомандующему, 6 сентября 1812 г. № 52.

Приказание было в точности исполнено, и грузины были озадачены появлением русского отряда. Простоявши у Алавердского монастыря до 20 сентября и узнав, что царевич находится в селении Шильде, Тихоновский переправился вброд через р. Алазань, атаковал селение, сжег его, уничтожил завалы, засеки и разогнал толпу мятежников в 700 человек, состоявших преимущественно из кахетинцев, пшавов, хевсур и лезгин. Царевич бежал в селение Сабуге, а Тихоновский, уничтожив селение Турис-Цихе, направился к Кварельской крепости, с тем чтобы оставить там раненых и больных, число которых доходило до 32 человек.

Пробы в Кварелях два дня, полковник Тихоновский намерен был перейти к селению Пашаанам, жители которого приняли поголовное участие в восстании. Узнав, что царевич испортил дороги и намерен устроить засаду, Тихоновский двинулся без дороги кратчайшим путем через лес. Партия Александра тщетно ожидала появления Тихоновского и успела напасть только на арьергард, состоявший из трех рот, под командою майора Борщова, и вела с ним перестрелку в течение целой ночи.

Остановившись близ этого селения, Тихоновский ожидал прибытия генерал-майора князя Орбелиани, который в 11 часов ночи 17 сентября выступил из Тифлиса с тремя ротами 9-го егерского полка, одним орудием и 70 казаками. Командование войсками в Тифлисе и его окрестностях было поручено генерал-майору Симоновичу, вызванному для этой цели из Имеретин.

Переночевав в Сартачалах и сделав на следующий день переход в 50 верст, князь Орбелиани на третий день, в пять часов пополудни, прибыл к Сигнаху, где узнал, что сообщение между этим городом и отрядом полковника Тихоновского было прервано. Дождавшись прибытия батальона Херсонского гренадерского полка и присоединив к себе роту Кабардинского полка и 75 человек линейных казаков, князь Орбелиани, 27 сентября, двинулся к селению Велис-Цихе на соединение с отрядом полковника Тихоновского. Встреченный на двенадцатой версте от Сигнаха огромною толпою мятежников, князь Орбелиани, среди жаркой и непрерывной перестрелки, успел только 30-го числа дойти до селения Пашаан и, соединившись с Тихоновским, 1 октября остановился на р. Шилде.

В это время войска наши были расположены в следующих пунктах: в Коби находилась рота Суздальского полка; в Анануре – полковник Печерский с батальоном 15-го егерского полка; на р. Шилде – генерал-майор князь Орбелиани со своим отрядом. В Сигнахе было всего 200 человек пехоты и казаков с двумя орудиями; две роты 46-го егерского полка и рота Херсонского занимали Сартачалы. В Борчалинской дистанции находились три роты 46-го егерского полка, под начальством полковника Краббе.

Карталиния охранялась эскадроном Нижегородского драгунского полка, малолюдною ротою Грузинского гренадерского и выведенными из Имеретин двумя ротами 15-го егерского полков. В Тифлисе находились: батальон Херсонского гренадерского полка, в котором за разными командировками было налицо не более 400 человек, и рота Тифлисского полка. Из пяти орудий, бывших в столице Грузии, две 6-фунтовые пушки не имели снарядов, а все прочие орудия не могли быть двинуты, так как для запряжки не имелось ни одной лошади⁸⁸.

Таким образом, почти все войска были стянуты на север Грузии; южная же ее часть оставалась почти вовсе без защиты, если не считать нескольких мелких отрядов, расположенных в Памбаках и Шурагели.

Чтобы оттянуть часть наших сил от Кахетии, царевич Александр распускал слух, что из Эривани едет к нему посланный от Баба-хана с значительною суммою денег, по получении которых он направится в Карталинию на соединение с персиянами. Александр приглашал к себе лезгин, обещая им хорошее содержание, и в то же время отрядил хевсур для прерывания сообщения в горах между Тифлисом и Моздоком. Они почти одновременно появились про-

⁸⁸ Рапорт генерал-майора Симоновича Ртищеву, 30 сентября 1812 г., № 176.

тив селений Казбека, Степан-Цминды, Коби и Ананура, но были отброшены стоявшими в тех селениях небольшими нашими гарнизонами.

Попытка их уничтожить Дарьялский мост не удалась, но у Ананура они успели отогнать несколько казачьих лошадей, пасшихся около города. Обстоятельство это заставило на следующий день оставить лошадей на конюшне, и так как запаса фуража не было, то и пришлось послать казаков для рубки древесных ветвей. При возвращении с фуражировки казаки были атакованы толпою инсургентов, разогнанных высланною из Ананура командою. Отступив от города, мятежники устроили завалы и сожгли все мосты по дороге между Анануром, Пасанауром и Кайшауром. Сообщение по Гуд-горе было прервано, и в Кайтаурском ущелье собралась толпа вооруженных числом до 6000 человек.

Для восстановления сообщения Грузии с Кавказскою линиею владикавказский комендант генерал-майор Дель Подо принужден был отправить батальон, составленный из двух рот 16-го егерского полка и двух рот Казанского полка, под общим начальством майора Гурлебума. Движение этого отряда вызвало лихорадочную деятельность царевича, и он торопился испортить путь, сделать засеки и уничтожить мосты между Казбеком и Ларсом. Александр предлагал владельцу ущелья, подполковнику Казбеку, соединиться с ним и действовать совокупно против русских. Казбек не принял предложения, уведомил главнокомандующего, и попытка царевича не увенчалась успехом. Он успел только занять проходы по южную сторону гор и окружить Пасанаур, на выручку которого спешил полковник Печерский с своим батальоном.

Выступив из Ананура 3 октября, полковник Печерский скоро наткнулся на огромную толпу инсургентов, занявших проходы и прилежащие к ним высоты. Они встретили наступавших выстрелами с гор, и отряд выдержал четырехчасовой упорный бой, прежде чем ему удалось пробиться в Пасанаур и занять его. Неприятель отошел к Кайшауру, и полковник Печерский, находя необходимым преследовать его по пятам, просил прислать ему подкрепление и провиант, в котором ощущал большой недостаток. Генерал-майор Симонович командировал полковника Краббе с тремя ротами 46-го егерского полка и приказал ему следовать в Мухрань, забрать там сколько можно провианта и оставить часть его в Душете, а другую в Анануре и Пасанауре. Соединившись с полковником Печерским, полковник Краббе должен был выгнать мятежников из Арагвского ущелья и очистить путь от Еайшаура до Коби⁸⁹.

В это время Ртищев возвратился в Тифлис из Карабага и привел с собою часть войск, его конвоировавших. Признавая восстановление сообщения с Кавказскою линиею делом первостепенной важности, главнокомандующий не ограничился посылкою полковника Краббе в помощь Печерскому, но отправил по тому же направлению и генерал-майора Симоновича с тремя батальонами пехоты. Симонович двинулся из Тифлиса в Пасанаур, но пришел туда тогда, когда полковник Печерский, усиленный прибытием двух отрядов майора Гурлебума и полковника Краббе, очистил Арагвское ущелье от Ананура до Кайшаура и даже успел починить сломанные мосты. При содействии полковника Казбека были собраны нацвалы, священники и старшины мтиулетинского и гудомакарского племен. Повесив, по обычаю, сабли на шеи, они просили прощения, присягнули на верность, обещались оставаться спокойными и выдали аманатов⁹⁰ из почетнейших фамилий. Из Пасанаура Симонович пошел вниз по Арагве, с целью усмирить жителей и особенно население Тионетской волости, собрать контрибуцию и хлеб с деревень, принимавших участие в восстании, а главное, рассеять толпу пшавов, хевсур и тионет, собравшихся на горе Углисе и разорявших преданное нам население. С приближением отряда защитники горы отступили к Тионетам, а генерал Симонович, пройдя

⁸⁹ Рапорт Симоновича главнокомандующему, 9 октября, № 255 и 256.

⁹⁰ Заложников.

через Сагурам, Марткопи, Хашму, Патерзаул и Сагореджо, разогнал повсюду мятежников и привел жителей к присяге⁹¹.

Отсюда Симонович двинулся на соединение с отрядом генерал-майора князя Орбелиани, действовавшего против царевича Александра и его главного скопища.

Простояв несколько дней на р. Шилде, князь Орбелиани узнал, что царевич Александр для увеличения своих сил выставил в Велис-Цихе до 20 лезгинских знамен, под которыми и собирались толпы мятежников. Князь Орбелиани тотчас же атаковал селение, рассеял толпу, захватил восемь знамен, множество оружия и багажа. Александр бежал в Шилду, где и укрепился. К нему стекались рассеянные мятежники и спешили на помощь лезгины в числе до 200 человек. Не желая упускать времени и дать возможность царевичу еще более усилиться, князь Орбелиани, 12 октября, после упорного боя, вытеснил его из Шилды и заставил скрыться в самой вершине Шилдинского ущелья, среди гор и лесов. Селение Шилда было сожжено, и сады истреблены до самой крепости.

Недостаток продовольствия заставил генерал-майора князя Орбелиани отправить на фуражировку полковника князя Эрнстова с небольшим отрядом. Воспользовавшись отделением незначительных наших сил от главного отряда, царевич Александр окружил князя Эрнстова со всех сторон и стремительно атаковал его. Как атака, так и оборона были весьма упорны⁹².

«Лезгины и грузины, – доносил князь Орбелиани, – до того были пьяны, что некоторые врываются в средину наших и там поколоты». В первое время положение князя Эрнстова было весьма затруднительно, но прибытие из главного отряда 200 человек 9-го егерского полка и 100 человек Кабардинского полка с двумя орудиями изменили дело. Совокупным ударом в штыки двух отрядов мятежники были разогнаны, и царевич Александр принужден был бежать в Велис-Цихе. Упорство, с которым дрались его сообщники, подало повод Александру провозгласить дело у Шилды как одержанную им победу.

«Пред сим, – писал царевич⁹³, – мы уже сообщили вам о том, как отряд Тахунева (Тихоновского) вошел в Шилду и какой божий гнев разразился над ним и сколько русских было побито; этот же самый шеф ушел было от нас тайком в Кварельскую крепость, а из Кизика (Сигнаха) двинулся князь Димитрий (Орбелиани); они дали друг другу слово и из орудий стреляли. Выйдя из Кварели, шеф (Тихоновский) прибыл к Пашаанскому броду; но с этой стороны его, а с той князя встретили наши войска; началась перестрелка; с утра до вечера продолжался непрерывный огонь. Да будет над нами столько божьих милостей, сколько солдат и офицеров мы убили при этом!

По случаю утомления и наступившей ночи наше войско отступило, и русские, пользуясь этим, соединились тайком в Пашаани и остановились ниже Шильды. Мы дали им дорогу, а сами расположились на прежней их стоянке, у Велис-Цихе. Когда русские вознамерились перейти по сю сторону – жители Санавардо и 400 лезгин встретили их у переправы и открыли стрельбу; с этой стороны на них ринулись кизикские и лезгинские войска; пальба была страшная и избиение русских всеобщее, так что они принуждены были даже всех своих раненых бросать в воду. Сражение это продолжалось до вечера; у нас убито два лезгина и четыре ранены, другого вреда наше войско не понесло. Теперь мы стоим по ту и по сю сторону; по милости Божией, к нам войска прибавляются, а русские слабеют.

Сегодня 7-е число этого месяца, понедельник, а на завтра ожидаем больших войск; число их должно дойти до 40 000, и затем мы сделаем наступление и при помощи Божией надеемся,

⁹¹ Рапорт Симоновича главнокомандующему, 23 октября, № 21, от 1 ноября, № 93. Рапорт Печерского Симоновичу, 18 октября, № 295.

⁹² Рапорты генерал-майора кн. Орбелиани главнокомандующему, от 14 октября 1821 г., № 301, 302 и 312. Акты Кавк. археогр. комиссии, т. V, № 435—437.

⁹³ Горджаспи Натанисшвили и Папоа Абелашвили, от 17 октября 1812 г. Акты Кавк. археогр. комиссии, т. V, № 438.

что окончательно перевернем их вверх дном. Если спросите о других делах, то главноуправляющий Арташев (Ртищев) окружен шах-заде (Аббас-Мирзою); посланный Ртищевым авангард весь истреблен, так что из 1500 человек ни один не уцелел. Теперь он окружен так, что не может пойти ни сюда, ни туда; даже князь Цицианов под Эриванью не был в таком безвыходном положении. Не думай, чтобы он мог сюда прийти. К нам прибыл человек с письмом от сердаря из Эривани; сердарь пошел с 1200 человек в Гумри и Караклис. Он пишет, что ждет от меня вестей, говоря, что, если захочу, он прибудет в Казах или ко мне; но мы еще ответа не написали, хотя и намерены пригласить его в Казах. Письмо это объявите всем и каждому и растолкуйте».

Толкования действовали на многих, и легковерный народ верил всем хвастливым рассказам царевича. Побег в толпу приверженцев Александра увеличились, и сочувствие к царевичу возрастало. Избегая встречи с нашими войсками, Александр переезжал из одного селения в другое, но вертелся преимущественно около Тионети, с тем чтобы, в случае неудачи, легче было скрыться у пшавов или хевсур. Князь Орбелиани ходил по его следам, дрался и терял людей, а царевич скрывался у жителей, которые всюду его принимали.

«Я действую в одном месте, – писал Орбелиани, – привожу к покорности жителей; они повинуются мне, между тем перехожу в другое, – царевич, партиями своими разоряя их, обращает к своей шайке». Александр, смотря по надобности, переправлялся то на одну, то на другую сторону р. Алазани и разорял те селения, которые не хотели присоединиться к нему.

Среди преследования царевича князь Орбелиани узнал, что Сигнах окружен мятежниками, что Александр перешел в Магаро, близ города лежащее, и что наш гарнизон с 18 октября находится в перестрелке с неприятелем и, чтобы отогнать его от города, делает частые вылазки⁹⁴. При одной из этих вылазок, командовавший в Сигнахе гарнизоном майор князь Орбелиани сжег Вакири, откуда могли быть форсированы городские стены, и успел дать знать генерал-майору князю Орбелиани о своем затруднительном положении. Последний двинулся на помощь осажденным и 23 октября подошел к Прасиани и Верхним Мачхаани, чтобы зайти в тыл Александру и атаковать его тогда, когда гарнизон сделает вылазку из города. Мятежники встретили наступавших сильным огнем, но, не обращая на него внимания, наши войска заняли Прасианы, а майор князь Орбелиани, при содействии армян, вышел из города и взобрался на гору у Магаро так быстро и удачно, что царевич, видя себя атакованным с двух сторон, обратился в бегство, несмотря на значительное превосходство своих сил⁹⁵.

Жители явились с покорностью и объявили, что приняли сторону Александра из опасения разорения от бывших с ним лезгин. Князь Орбелиани занял Сигнах, а царевич скрылся в Чалоубанское ущелье, куда стекались искренно ему преданные и рассеянные нашими войсками. В короткое время там собралась толпа до 6000 человек.

Весьма крепкое по природе Чалоубанское ущелье тесно, имеет несколько узких проходов и покрыто лесом. Двигаться по нему и выбивать противника из-за каждого куста или камня было бы весьма затруднительно, и потому князь Орбелиани предпочел частью своих войск занять вершину ущелья, а для занятия устья его со стороны р. Алазани отправил полковника Тихоновского с небольшим отрядом. Хотя с закрытием ущелья и можно было ожидать, что царевич по недостатку продовольствия принужден будет распустить часть своего сборища, но нельзя было рассчитывать на его покорность.

Густота леса давала возможность одиночным людям пробираться по горам, не будучи замеченными, и Александр всегда мог скрыться, но он не решался на это, сознавая, что с уходом его грузины признают его побежденным и дело, за которое он так ратовал, будет наве-

⁹⁴ Рапорт кн. Орбелиани главнокоманд., 28 октября 1812 г., № 364.

⁹⁵ Извлечение из ведомости, всеподданнейше представленной генералом Ртищевым, от 1 ноября 1812 г. Акты Кавк. археогр. комиссии, т. V, № 440.

гда потеряно. Царевич решился попытать счастья и остался. Князья, имевшие свои поместья поблизости Чалоубанского ущелья, доставляли ему провиант и заставили князя Орбелиани перейти в Кадалы, чтобы прекратить подобную доставку.

С занятием этого пункта положение Александра значительно ухудшилось. Он мог получать продовольствие только из двух селений: Чалоубани и Пховели, принадлежавших князьям Андрониковым. Селения эти не могли снабжать долгое время столь большого скопища, а между тем кизикцы, жившие по ту сторону ущелья к лезгинской границе, повиновались нам, дали аманатов и снабжали провиантом не инсургентов, а наши войска. Жители же трех деревень: Бодби, Магаро и Нукреян дрались с нашими войсками против единомышленников царевича.

Находясь в столь затруднительном положении, Александр узнал, что генерал-майор Симонович прибыл в Сагореджо и идет на соединение с князем Орбелиани. Опасаясь быть атакованным в ущелье, царевич перебрался тайком в Манавское ущелье и там укрепился. Как только получено было известие о бегстве Александра, князь Орбелиани оставил небольшой отряд у Сигнаха и, отправив Тихоновского в Велис-Цихе, сам выступил 26 ноября к Манавскому ущелью и расположился в двух верстах от него.

Имея в отряде только 450 человек, князь Орбелиани ожидал прибытия Симоновича, который через три часа после прибытия князя Орбелиани также подошел к Манавскому ущелью, преследуемый неприятелем, напавшим на его аррьергард. Жаркий бой продолжался до самой ночи; наши войска вступили в ущелье и вытеснили оттуда мятежников, потянувшихся частью в Сагореджо, частью в горы. Селение Манава было сожжено, и царевич бежал в Казисхеви, где не мог, впрочем, долго оставаться из опасения попасть в руки Тихоновского.

Стоявший у Велис-Цихе полковник Тихоновский, в день штурма Манавского ущелья нашими войсками, был атакован лезгинами, в числе 2000 человек, спешившими на помощь Александру. Отброшенные за р. Алазань на Гавазы, лезгины отправились обратно в свои селения, а полковник Тихоновский перешел в Казисхеви⁹⁶.

Царевич перебрался сначала в Пшавели, а потом в Тионети⁹⁷. По следам его шел генерал-майор князь Орбелиани, но при всем желании не мог настичь Александра. Горы, леса и бесчисленные ущелья представляли множество дорог и закрытий для его шайки, состоявшей исключительно из одних конно-вооруженных людей. Они легко проходили там, где нашим войскам с выюками и обозами почти невозможно было пробраться. Не задаваясь целью нагнать царевича, князь Орбелиани главнейшим образом принимал меры к успокоению жителей и наказанию виновных. Главнокомандующий приказал взыскивать в контрибуцию с каждого двора по три рубля, по три коды пшеницы и по одной коде ячменя; с нацвалов и кевхов, участвовавших в бунте, брать вдвое, а имение князей Андрониковых отобрать в казну⁹⁸.

Император Александр не одобрил распоряжения Ртищева и не находил его полезным для края.

«Средства подобного рода, – писал государь⁹⁹, – обыкновенно не были успешны к преклонению умов; напротив, составляя разорение, легко послужат они поводом к вящему ожесточению народа, недавно поступившего в подданство России и не имеющего достаточного понятия о законах нового своего государства.

Посему повелеваю вам, на будущее время, никогда контрибуции на российских подданных не налагать, а в наказание бунтовщиков поступать по точной силе законов. Пример таковой в глазах верных катехинцев и покровительство сим последним возбудят их более на привер-

⁹⁶ Рапорт кн. Орбелиани Ртищеву, 27 ноября, № 485, и 29 ноября, № 491.

⁹⁷ Рапорт кн. Орбелиани Ртищеву, от 2 декабря 1812 г., № 496 и 503.

⁹⁸ Предписание князю Орбелиани 4 декабря, № 514.

⁹⁹ В указе от 13 февраля 1813 г.

женность к престолу, нежели взыскание известной, так сказать, за измену платы, неупотребительной в государстве нашем.

Что же принадлежит до предположения вашего производить из собранной в контрибуцию суммы мясную и винную порции войскам, то я желаю знать, для каких войск именно определена сия порция и сколько на оную потребно суммы в месяц равно, сколь велика сумма, в контрибуцию собранная?

Если местное положение позволяет, чего мне отсюда предвидеть невозможно, то лучше, кажется, в те селения, на которые падает подозрение, в каких-либо неблагонамеренных поступках против правительства, располагать самые войска квартирами, с производством им с тех селений мясной порции натурою, чем бы самым еще более различены были жители мирные от бунтовщиков, или брать с оных аманатов, но все сие должно зависеть собственно от вашего усмотрения».

Повеление императора было получено главнокомандующим тогда, когда большая часть контрибуции была собрана. Народ и князья повиновались распоряжениям правительства и являлись с покорностью и просьбою о прощении. Царевич бежал в пшавам, и князь Орбелиани, заняв селение Тионети, вошел в сношение с *деканозами* (священниками) и потребовал от них выдачи Александра, обещая за то денежную награду. Ртищев также писал об атом пшавскому старшине.

«Всею Грузии известно, – говорил главнокомандующий¹⁰⁰, – что Александр проклят отцом своим, царем Ираклием, за незаконные его дела и намерения. Родительская клятва сия, услышанная правосудным Богом, будет преследовать его несчастьями до гробовой доски, навлекать подобный гнев Божий на всех его сообщников и несчастье на ту землю, где он будет иметь свое пристанище, ибо клятва родительская важна перед Богом. Итак, в отвращение многих зол, предстоящих для пшавского народа, я поручаю вам, как благоразумнейшему в своем обществе, имеющему справедливость, уважение от народа и усердному к службе государя императора, принять все меры в поимке сего беглеца и представлении ко мне».

Старшина отвечал, что пшавы не принимали к себе царевича Александра, который ушел к хевсурам. Преследовать его в горах не было никакой возможности, и генерал-майор князь Орбелиани, оставив в Тионетах майора Борщова с 300 человеками пехоты и двумя орудиями, отошел сам в селение Ахмети¹⁰¹. Он предполагал запереть небольшими отрядами все хевсурские и пшавские ущелья и, не пропуская жителей, пасших свой скот на полях Грузии, заставить их тем выдать царевича. Мера эта, конечно, могла бы привести к существенным результатам, но главнокомандующий, не желая прибегать к поголовному разорению жителей, решился вступить в сношение с Александром и убедить его покориться русскому императору.

«Доколе пагубное ослепление кахетинского народа, – писал Ртищев царевичу¹⁰², – водило вас на своих помочах вероломных и буйных, хотя слабых, то я, исполняя священные для меня обязанности верного подданного моему всемилостивейшему государю императору, повелевал действовать против вас так, как против неприятеля и нарушителя общественного спокойствия. Но теперь, когда жертвы бессилия вашего пали под бедствием своим, и подпора, впрочем всегда суетная, ваша рушилась, я побуждаюсь гласом человеколюбия и уважения к знаменитому происхождению вашему, а паче ведая неизглаголанное милосердие его императорского величества ко всем членам грузинского царственного дома, только при несчастий вашем обращаюсь к вам на помощь, с искренностью честного человека и христианина, объясняя вам следующее:

Взгляните сами на ужасную картину тех бедствий, в которые ввергнут вами кахетинский народ, и спросите совесть вашу, угодное ли дело сделали вы перед Богом и пред челове-

¹⁰⁰ В письме от 13 декабря 1812 г. Акты Кавк. археогр. комиссии, т. V, № 627.

¹⁰¹ Рапорт кн. Орбелиани главнокомандующему, 11 декабря 1812 г., № 562.

¹⁰² В письме от 31 декабря 1812 г. Акты Кавк. археогр. комиссии, т. V, № 441.

чеством, учинившись орудием напрасного пролития крови христианской и несчастья тысячи семейств? Потом посоветуйтесь с сердцем вашим и с рассудком совести вашей, – тогда верно они научат вас, что вам теперь делать и чем вы можете умиловить правосудного Мздоводателя как в сем, так и будущем веке!

Не нужно напоминать мне вам, что теперешняя жизнь ваша есть самая бедственная и не может назваться жизнью, а только продолжительным мучением, ибо верно вы чувствуете все сие в собственной вашей совести, боясь врагов своих, боясь наемников, боясь приближенных и друзей своих и, наконец, боясь даже собственной тени вашей. Отчего же все сие происходит? Я вам скажу истину: от того, что дерзаете идти противу неисповедомых преднамерений высшего Промысла, пекущегося о благе народов и для сего предавшего Грузинское царство, по доброй воле бывших на оном помазанников Божиих, во власть и защиту от врагов, могущественному, сильнейшему и милосерднейшему из христианских государей, российскому императору; от того, что вы, ослепясь бедственною для вас и для участников ваших суетностью, не стремитесь с покорностью воле Божией в отеческие объятия милосердного монарха, устроившего прочное счастье ваших братьев, сестер и всех кровных вам, а стараетесь раздирать утробу собственного вашего отечества, прилепляясь к всегдашним врагам не только дома вашего, но и самой веры, и ищите помощи у тех, кои всегда упивались кровию вашего отечества. Наконец, от того, что вы, усиливаясь проложить себе путь неправдою, может быть, доселе не хотели верить, что Бог не благословляет ваших намерений и что правосудие небесное действует уже над вами и в сей жизни!

После сего, приведя вам на память несчастливейший жребий шедшего по стопам вашим племянника вашего Левана, который, в ознаменование на нем гнева Божия, бесславно погиб от руки хищного разбойника, без покаяния христианского, я, как христианин, уважающий высокий род ваш, призываю вас обратиться на путь истинный, покориться воле Божией и повергнуть себя в ожидающее вас отеческое милосердие его величества».

Главнокомандующий советовал Александру безбоязненно явиться к нему, обещая принять его с почестью, приличною его происхождению, забыть все поступки его и выхлопотать прощение императора. «Но знайте, – прибавлял он, – что если вы останетесь в прежнем своем заблуждении, то я также повелел всюду вас преследовать и не иметь никакой пощады».

Скрывшись у хевсур в селении Шатили и оставив Грузии на память о себе следы всеобщего разорения, царевич сам начинал тяготиться скитальческою жизнью. Он не имел чистосердечного намерения покориться русскому правительству, но, двуличничая, оставлял за собою эту меру на случай безвыходности своего положения.

«Получил я от вашего высокопревосходительства письмо, – отвечал он Ртищеву¹⁰³, – которое я желал иметь; но рассмотрение его ввергло меня в пучину дум. Оно наполнено не только обличениями, но и укоризнами мне: вы меня обвиняете в ослеплении кахетинского народа и несчастном его направлении; укоряете меня за то, что ничто, задуманное мною, не благословляется Богом; страшите несметными вашими силами, приписываете мне разрушение общественных связей и радуетесь нашему падению в жертву нашего бессилия. На это и я имею честь изъяснить по истине, и ваш совестливый суд да рассмотрит.

Вину несчастных кахетинских народов вы сваливаете на меня. Они действительно несчастны, ибо трудятся за своего наследника (?!), страдают и ввергаются в темницы; а вы руками заграждаете им уста, причиняя столько мучений безвинно. Укоряете меня за то, что Бог не споспешествует моему намерению. Если это правда, то что же подняло столько народа? Но меня преследует неправосудие. Страшите меня несметною силой; я подлинно знаю, что его императорское величество силен; но он же снисходителен и в милостях неисчерпаем, а вы не

¹⁰³ В письме от 13 февраля 1813 г. Акты Кавк. археогр. комиссии, т. V, № 447.

доводите до сведения о таковом воззвании народа. Обвиняете меня в расстройстве общества; Бог да отвратит от меня подобное дело. Напротив, вы разрушаете благой выбор народа.

Вы радуетесь моему упадку и бессилию. Но Бог есть восстановитель падших, а судить об истинно христианской справедливости принадлежит христианам. Сколько тысяч истребил Ирод за Христа-младенца новорожденного; но Христос был невинен в их крови, а они были сопричислены к мученикам.

Судите по правде: если не за отечество и веру действуете и трудитесь, то ради чего добрая старость ваша (со дня приезда) из России поныне переносит столько мучений, что изо дня в день не имеете от забот покоя. А меня упрекаете, что за отечество и народ мой я однажды пустил сюда мою лошадь вскачь (т. е. заехал), жертвуя собою отчизне, вере и именитости.

Укоряете, что я пристал к исконным врагам нашей веры и следую за ними. Это правда; но хотя они и враги, однако же имею между ними свободную жизнь и почет, подобающий моему роду.

Вы говорите, что я боюсь и врагов, и ближних, и самой тени своей. Но разве не знаете, что все боязливые осторожностью охраняют себя. Радение об отчизне уподобило мое сердце отломку кремнистой скалы, и что может обратить меня, как не отеческий и ласковый прием со стороны вашей, – доброго христианина и правдивой особы.

Вот правда, которую я изъяснил вашему высокопревосходительству, и судите по совести вашей, если не все то истинно. Думаю, что правдивое суждение совести вашей более смягчит вас в отношении ко мне.

Обносить племянника моего Левана неприлично вам, именитой особе, и я об этом умалчиваю; он же находится в объятиях Авраама, ибо положил голову свою за отечество.

Ваше высокопревосходительство, пройдем все подобное молчанием и начнем о делах настоящих; я доложу вам правду, которая за сим и следует.

Приглашаете меня вы, избранная и правдивая особа, умиленная христиански-отеческим милосердием, а не указываете источников, откуда буду иметь содержание и какой прием будет находящимся со мною; назначьте жалуемое мне место, содержание, и тогда мысль моя успокоится.

Доверяю себя вам по христианству и отечеству и прошу воззреть на меня, как благопопечительный и православный христианин; объявите мне, ваше высокопревосходительство, все, дабы я мог прибегнуть к отеческим объятиям вашим и пребывать навсегда верным его императорскому величеству, до окончательного пролития крови моей; тогда вы уведаете и мою службу, верность и мощь».

Итак, по содержанию приведенного письма можно было предполагать, что царевич готов и желает покориться русскому правительству, но на деле оказывалось не так, и Александр временно преследовал две цели. За несколько дней до ответа Ртищеву царевич писал эриванскому хану, что русские просят о примирении, но он и грузины того не желают; что в Кахетии такое возмущение, что русские, даже партиями в 200 человек, не решаются переходить из одного селения в другое; что силы его растут и в самом непродолжительном времени он будет иметь от 80 000 до 100 000 человек войска. «Но ведь изволите знать, – прибавлял скромно Александр¹⁰⁴, – что всем им надо давать, если не каждому из войска, то хоть старшинам и беладам (вожакам). Теперь о чем вас умолять и что представить? Тамошнее дело зависит от вас; поднесите прилежное прошение шах-заде (Аббас-Мирзе), чтобы пожаловал нам поболее денег и парчи. Пятью и десятью тысячами ничего не сделается, – вы это лучше знаете. Доколе в нас есть душа, мы будем проливать кровь за верность иранскому государю и шах-заде».

Он написал несколько писем Мирза-Безюргу и своему единомышленнику Худад-беку и просил их упросить Аббас-Мирзу оказать ему помощь. Царевич уверял, что, поселившись

¹⁰⁴ Акты Кавк. археогр. комиссии, т. V, № 443.

у хевсур, он господствует над Хеви¹⁰⁵ и Ларсом и держит в своих руках всю Военно-Грузинскую дорогу; что вследствие этого русские только уезжают, а приезжих никого нет. Александр уверял, что в Кахетии еще полное восстание, и просил помощи деньгами и войсками. «Постарайся, – писал он Худад-беку, – двинуть сюда войско пораньше; теперь не время обманывать, пора действовать. Съезживанием ничего не поделаем, они (персияне) и сами это знают; чем скорее шах-заде изволит сюда отправиться, тем лучше. Эх, деньги, деньги! Будь они еще в январе, мы нанесли бы им (русским) всеобщее избиение. Они (персияне) жалеют и деньги, и войско, а даром кто им уступит землю?»

Чтобы вернее получить просимое, царевич уверял Мирза-Безюрга, что русское правительство желает примириться с ним, обещает предоставить ему в управление часть Кахетии, 20 000 рублей ежегодного жалованья, а князьям, с ним находящимся, каждому даст по одной деревне и по 600 рублей ежегодного жалованья. По словам Александра, как ни выгодны эти предложения, но он не согласится никогда изменить персидскому правительству. «Бог свидетель, – писал он Мирза-Безюргу¹⁰⁶, – что, пока во мне есть душа, я не отступлюсь от хлеба-соли иранского государя и шах-заде и от верности им, будучи готов проливать кровь из усердия к ним. Но все мои старания, служба и верность ничего не значат, если вы не подкрепите меня либо войском, либо деньгами».

Ни того ни другого он не мог получить, потому что Аббас-Мирза думал теперь не о помощи царевичу и не о вторжении в Грузию, а о собственном спасении после поражений, нанесенных ему генерал-майором Котляревским.

¹⁰⁵ Ущелье по Военно-Грузинской дороге, начиная от Коби до Дарьял.

¹⁰⁶ Акты Кавк. археогр. комиссии, т. V, № 444.

Глава 4

Характеристика Котляревского и его влияние на положение наше в Карабаге. Приготовление персиян к вторжению в наши пределы. Наступательные действия Котляревского. Бой при Асландузе. Штурм Ленкорани

— Вы лучше меня знаете местные обстоятельства и страну, — говорил Ртищев Котляревскому, оставляя Карабаг и уезжая в Грузию. — Делайте все, что благоразумие ваше велит вам. Одного прошу не делать и запрещаю, зная вашу отвагу и примерное мужество: вы, может быть, не потерпите, смотря на персиян, собирающихся у Аракса, и вздумаете переправиться в виду целой их армии, а чрез неудачу, от чего Боже сохрани, и край погибнет.

Произнося эти слова, главнокомандующий как бы предугадывал мысли молодого генерала, который, несмотря на запрещение, привел их в исполнение в самое ближайшее время после отъезда Ртищева. Котляревский не мог сносить медленности и нерешительности; его характер, вполне энергичный, требовал действий к славе и величию России. Осторожность и снисходительность главнокомандующего выводили Котляревского из терпения, и чем труднее были обстоятельства, тем энергичнее и тверже были все его поступки.

Вот ближайший пример тому. Мехти-Кули-хан Карабагский, зная о возмущении, вспыхнувшем в Грузии, о приготовлениях персиян к вторжению в наши пределы и о затруднительности нашего положения в крае, стал оказывать нам явное нерасположение, преследовал беков, приверженных к русскому правительству, и не выехал, как было принято, провожать главнокомандующего до границ своих владений. Котляревский не снес такого пренебрежения. В сопровождении только одного казака, с нагайкою в руке, он проскакал через г. Шушу прямо к ханскому двору. Окруженный своею челядью, Мехти-Кули-хан сидел пред бассейном и курил кальян.

— Я тебя повешу! — кричал Котляревский, не слезая с лошади.

Несмотря на то что хан был окружен вооруженною толпою, готовую броситься по одному мановению своего повелителя и истерзать человека, хан струсил.

— Чем заслужил я такой гнев? — спросил он Котляревского с замешательством.

— Как чем? Разве ты ни во что не ставишь русского сердаря (начальника), что не удостоил даже приехать, чтобы проститься, тогда, когда тебе следовало явиться к нему и провожать его при отъезде! Разве ты не начал придирается к бекам, нам преданным?

Мехти извинялся и оправдывался; он тотчас же снарядил выюки с разными сластями, догнал Ртищева на переправе через р. Тертер и почтительно простился с ним.

Поступок Котляревского, помимо поддержания значения главнокомандующего в крае, имел большое влияние на жителей Карабага, всегда верных тому, кто сильнее. «Со всей достоверностью полагать можно, — говорит биограф¹⁰⁷, — что таким решительным поступком Котляревский, хорошо знавший азиатский характер, остановил готовое возмущение, которое могло быть пагубно в то время для русских, но которое вскоре после поражения персиян сделалось невозможным. Эту предварительную, так сказать, победу Котляревский одержал одним собственным своим лицом, благодаря спасительному страху, им внушенному, страху, столь сильному, что до сего времени пугают еще его именем карабагских детей».

Страх этот не был последствием жестокости характера, а твердости и строгого исполнения распоряжений русской власти, столь необходимых в то время, когда Котляревский один с небольшим отрядом стоял против огромных полчищ Аббас-Мирзы.

¹⁰⁷ Граф В. Соллогуб. «Биография генерала Котляревского».

Последний, как только узнал, что царевич Александр благополучно пробрался в Грузию и что там вспыхнуло восстание, тотчас же стал готовиться к открытию военных действий и намерен был на этот раз привести в исполнение составленный им весьма обширный план операций. Сосредоточивая свои войска против отряда Котляревского и подойдя 8 октября к Асландузу, Аббас-Мирза намерен был для лучшего успеха наступать одновременно по разным направлениям. С этой целью он поручил эриванскому хану беспокоить наши отряды, расположенные в Памбаках и Шурагели, и, чтобы они не могли подать помощи Котляревскому, произвести нападение на Бекант. С другой стороны, «признавая совершенно достаточным оставить в Талышах, для действия против незначительного нашего отряда, тысячу человек пехоты и две тысячи кавалерии, Аббас-Мирза отозвал часть войск, там бывших, и, отправив два батальона для занятия Сальян, из остальных составил летучий отряд под начальством Пир-Кули-хана. Переправившись через р. Куру, Пир-Кули-хан должен был с 3000 конницы вторгнуться в Шекинское ханство, восстановить Селима в ханском достоинстве, поднять тамошнее население и следовать на соединение с царевичем Александром. В то же время главные силы, переправившись через р. Араке, должны были атаковать отряд Котляревского и в случае успеха следовать к Елисаветполю, возбудить против России шамхорских, шамшадильских, казахских и борчалинских татар и направить их на окончательное истребление русских в Закавказье»¹⁰⁸.

Таков был в общих чертах план действий, для исполнения которого Аббас-Мирза, 11 октября, подошел к р. Араксу и приступил к переправе. Одна партия персиян, прежде других переправившаяся через реку, покушалась отбить табун казачьих лошадей, но была прогнана. Получив об этом донесение, Котляревский тотчас же написал Аббас-Мирзе весьма резкое письмо. «Вы происходите, – писал он¹⁰⁹, – от знаменитой фамилии персидских шахов, имеете между родными стольких царей и даже считаете себя из родни небесным духам: возможно ли, что при такой знаменитости происхождения, зная всю малочисленность русского отряда, вы решаетесь тайно воровать у него лошадей? После этого вам неприлично называться потомком знаменитого рода». Письмо оканчивалось просьбою запретить подобные набеги. Как бы в ответ на это Аббас-Мирза остановил переправу и, расположившись выше Асландуза, приступил к постройке укрепления.

Поступок этот и отправление к Шехинскому ханству Пир-Кули-хана, всегда командовавшего авангардом главных сил, навели Котляревского на мысль, что он не будет атакован; что Аббас-Мирза переменял план действий и намерен, оставив в Асландузском укреплении четыре или пять тысяч человек, для угрозы Карабагу, с остальными войсками следовать за Пир-Кули-ханом, пройти через Шекинское владение, вступить в Грузию со стороны Кахетии и, соединившись с царевичем Александром, направиться к Тифлису.

Подобное движение, в случае успеха, могло вызвать всеобщее восстание татар и горцев и поставить наши войска за Кавказом почти в безвыходное положение.

Понимая всю важность предпринимаемого Аббас-Мирзою движения и зная, что Ртищев не имеет достаточно войск, чтобы «противостать сильной громаде врагов внешних и внутренних и удержать за собой большой и неукрепленный город»¹¹⁰, Котляревский счел необходимым облегчить положение главнокомандующего и своим подвигом сохранить наше владычество за Кавказом. Он решился переправиться через р. Араке, атаковать Аббас-Мирзу и нанести ему такое поражение, чтобы слух о нем разнесся по горам и достиг до властителя Персии.

– Бей змея по голове, – говорил часто Суворов. – Удачный удар в голову наносит смерть и прочим частям тела, даже не касаясь их.

¹⁰⁸ Всепод. рапорт Ртищева от 21 ноября 1812 г.

¹⁰⁹ Граф В. Соллогуб. «Биография генерала Котляревского;

¹¹⁰ Из письма Котляревского редактору «Русского инвалида». «Русский инвалид», 1835 г., № 25 и 26.

Следуя словам великого учителя, Котляревский прибавлял к этому и свой собственный опыт.

– Я знал и знаю, – говорил он, – что идущему вперед одна пуля в грудь или в лоб, а бегущему назад – десять в спину. Это знали все служившие со мною, и никто никогда тыла не показывал. Во всю мою службу отечеству я видел бегущих одних неприятелей.

Сознавая, что в данном случае предприятие это было сопряжено с крайнею трудностью, но «польза и честь оружия российского и положение дел, – доносил он, – того требуют: ибо цель Аббас-Мирзы состоит в том, чтобы разделить силы мои и потом с лучшею уверенностью ударить, а когда не успеет развлечь меня, то удерживать в бездействии, продолжать грабежи и смотреть, что сделают отряды им посланные. Если Бог поможет разбить Аббас-Мирзу, тогда все его замыслы рушатся одним ударом».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.